

Александр Костюнин

СКИТ ПОЭЗЫ

ББК 84(2=411.2)бя44
УДК 821.161.1
К 72

Костюнин, Александр Викторович (1964).

К 72

Скист поэзы: [сборник] / Александр Костюнин. –
Петрозаводск : Verso, 2018. – 296 с.

ББК 84(2=411.2)бя44
УДК 821.161.1

ISBN 978-5-91997-277-8

© Костюнин А.В., 2018.

Содержание

В защиту графомана

Часть I

Песни

01. Державные:

1. Родительский дом
2. Карелия
3. День весны

02. Народное гуляние:

1. Радуга-дуга
2. Одуванчики
3. Новый год
4. Песня под баян
5. Онежская кадрили
6. Брейк-данс
7. Заимка

03. Мы и наши скрепы:

1. Дачка
2. Маня
3. Банька
4. Первый аккорд
5. Братцы
6. Деревенька
7. Королевская рать
8. Непрямоходящие
9. Небесные птицы
10. Советская заздравная
11. Молоток
12. Авось

04. Русская любовная лирика:

1. Млечными туманами
2. Рябина
3. Март
4. Совпадение

5. Осенняя элегия
6. Молчание
7. Кручина
8. Бумажный кораблик
9. Метель-метёлочка
10. Одуванчик Лера
11. Огниво
12. Ночь-бикини
13. Бегство из рая
14. Шампанское Брют (танго)
15. Орлица
16. Земляника
17. Восьмое марта
18. Пирожные

05. Дорога жизни:

1. Предожидание
2. Рок скорости
3. За горизонт себя
4. Лабиринты судьбы
5. Сестра милосердия
6. Дикий конь
7. Грань одиночества
8. Колесница века
9. Крест
10. Катакомбы души
11. Комариная пора
12. Кошка
13. Чётки
14. Иноходь
15. Кавказ (лезгинка)
16. Гитара
17. До свиданья, школа!

06. Переходный возраст:

1. Птицы райские
2. Маугли
3. Часы без кукушки
4. Дождинка
5. Школьная любовь
6. Говорю с тобой
7. Алые паруса

07. Поморский цикл:

1. Вальс Белого моря

2. Старый карбас
3. Избы поморов

08. Полста:

1. Полста
2. Звание «Дед» (русская колыбельная)
3. Мама
4. Сыну
5. Весна
6. Желание
7. Витаминки счастья

09. Иное измерение:

1. Молитва
2. Реанимация
3. Трегый день (причеть)
4. Корни
5. Домино
6. Солнечные города
7. Мыльные пузырьки
8. Знамя с ликом Его
9. Ремейк
10. В храме лесном
11. Точка души
12. Ожидание

10. «Детство»:

1. Бабушка
2. Лесенка
3. Морской бой
4. Песня Герды

11. Скит поэзы:

1. Сигары Коиба
2. Поэт-акустик

Часть II

Остров откровения (дневник писателя):

*

«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; / и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее».

Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла 1: 27-28

В защиту графомана

*Диоген хвалил плохого
арфиста.
– Великий, зачем?..
– Затем, что, будучи таким
плохим музыкантом, он всё же
не стал вором.*

Так много негативного, предосудительного связано с этим образом, что возможность его отмазать, сколь-нибудь оправдать в глазах населения – призрачна...

– Кто подаст голос в защиту графомана и творческой самодеятельности?

– Я попробую...

Сам себя приписываю к этому воинству, так чего уж там... И потому на данном судилище буду выступать в качестве адвоката. Почту за честь! Как же не защищать творческую самодеятельность, особенно в глубинке, когда она заменяет собой и хорошие дороги, и медицинское обслуживание, и качественное образование, и Большой театр и Малый, и свет, и связь... Одна!

Начнём, как и полагается, с толкового словаря: «Графоман (от греч. *grapho* и *mania* – писать и влечение)». Сказать попросту, графоман – это такой нехороший человек, которому нравится сочинять. (Критиков послушать, «почти Чикатило»). Однако в списке смертных грехов «графомания» не значится.

Образование «специальное» не даёт гарантии, что выпускник – поэт. Иосиф Бродский на суде в Ленинграде, во всеулышание, заявил, что поэтом становятся «от Бога». Словарь русского языка называет графомана «бездарным». Извините, а судьи кто? Где эталон!? Эталона нет. В литературе всё субъективно! (Бесценной реликвией у меня на стене висит, в

ажурной рамочке, рецензия на сборник «В купели белой ночи»: «У автора этой книги нет, к сожалению, Литературного дара, нет и умения из той или иной жизненной ситуации извлечь мысль, художественными средствами обобщить рядовой факт. Много в тексте пошловатой красоты, «мелкой философии на глубоких местах», как говорил поэт. А когда он касается каких-то жизненных ситуаций – им не веришь: они рассказаны вяло, равнодушно, отстранённо – нет непосредственности, живого дыхания. У автора есть удачи в фотографии – вот этим ему и надо заниматься! (Председатель Союза писателей Республики Карелия)». Абсурдность ситуации заключается в том, что, спустя год, за книгу «В купели белой ночи» я получил в Москве, из рук С. В. Михалкова, премию в номинации «Лучшая книга России 2007 года».

Теперь, по сути вопроса.

Думаю, каждый со мной согласится: писать стихи трудно. А когда нет поэтического дара – невозможно! Посему лично я стихов не пишу. Однако в потоке сознания нет-нет, да и проскакивают вольные ритмические строки. Точно знаю – не проза. Что тогда?! Боялся себе признаться... Несколько ободрил мудрый поэт Юрий Левитанский:

О свободном стихе

– Что? – говорят. – Свободный стих?

Да он традиции не верен!

Свободный стих неправомерен!

Свободный стих – негодный стих!

Его, по сути говоря,

эстеты выдумали, снобы,

лишив метрической основы,

о рифме уж не говоря!..

Но право же, не в этом суть,

и спорить о свободе метра –

как спорить о свободе ветра,

решая, как он должен дуть.

Всё это праздные слова.

Вам их диктует самомненье.
 Как можно ставить под сомненье
 его исконные права!
 Нет, ветер, дождь или трава
 свободны по своей природе –
 а стих,
 он тоже в этом роде,
 его природа такова.
 И как ни требовал бы стих
 к себе вниманья и заботы –
 всё дело в степени свободы,
 которой в нём поэт достиг.

Мои первые шаги в поэзии... спорные.

Это не величавые движения от бедра. Вовсе нет! Ноги заплетаются. Атактическую, церебральную походку трудно назвать грациозной, но она Моя! И горечь, и желанья, и слёзы, и смех – тоже мои. Мои! – не почившего классика. И вдохновляет, знаете что?.. Клятва параолимпийцев: «Разрешите нам сделать это. Если у нас не получится, мы всё равно будем вам благодарны за то, что нам разрешили сделать это». А мой любимый поэт-романтик Сергей Есенин выразился ещё резче:

Соловей поёт – ему не больно,
 У него одна и та же песня.
 Канарейка с голоса чужого –
 Жалкая, смешная побрякушка.
 Миру нужно песенное слово
 Петь по-свойски, даже как лягушка.

«Петь по-свойски» – вот что важно! А мастерство, Бог даст, придёт. И поэт Новелла Матвеева уверена:

Поэзия есть область боли
 Не за богатых и здоровых,
 А за беднейших, за больных.

А там – едино: голубой ли
Рыжий; вольный иль в оковах;
Классический иль новый стих.

А вот артиллерия тяжёлая:

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несёт,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждёт?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чёрный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.

А.С. Пушкин, незавершенная поэма «Езерский»

Поэзия свободна и вольна, как свободны парящий орёл,
ветер и сердце юной девы. Не ведают они рамок!.. А
предполагаемым критикам Поэт заочно бросает:

Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,
Перед распутиями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идёшь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд

Тебе награда; им ты дышишь,
 А плод его бросаешь ты
 Толпе, рабыне суеты.

Игорь Гарин в книге «Мудрость веков. Поэзия. Афористическая мудрость» бросил мне... НАМ! ещё один спасительный круг: «Уже в XVII веке Хуан де ла Куэва и Ожье восстали против аристотелевской поэтики и «правил поэзии». Ибо стихосложение не терпит канонов. Время, место, личность творят свои формы, поэзия в принципе не может быть формализована, она по природе своей неопределима».

Поэт-страдалец Варлам Шаламов в письме к Борису Пастернаку признаётся: «Бесполезность епитимьи, запрета, зарока – в отношении стихов – была понята мной очень быстро, и я перестал бороться сам с собой. Ожидал только часа, когда написанное будет нужно кому-нибудь, кроме самого меня, – и будет новостью, открытием, чудом. ... Как бы ни была грандиозна сила другого поэта – она не заставит меня замолчать. Пусть в тысячу раз слабее выражено виденное мной – я счастлив оттого, что я понимаю, ощущаю»...

А сейчас, прошу предельного внимания!
 Лучше присядьте...

Подмечено давно: «сочинение даже “плохих” стихов делает человека счастливым!» Вдумайтесь, даже ПЛОХИХ. (Я лично убедился в этом!) А много ли у нас других источников счастья?

И ещё диво!..

Мои друзья изумляются: не имея представления о законах версификации, я использовал-таки элементы стихосложения, применяемые гениями-пиитами. Отпираться не стану... Кто его знает, может, нечаянно, НЕЗЛОНАМЕРЕННО! какую строку и ямбнул:

«На третьем ходу выяснилось, что гроссмейстер играет восемнадцать испанских партий. В остальных двенадцати чёрные применили хотя и устаревшую, но довольно верную защиту Филидора. Если б Остап узнал, что он играет такие мудрёные партии и сталкивается с такой испытанной защитой, он крайне бы удивился. Дело в том, что великий комбинатор играл в шахматы второй раз в жизни».

Дальше – хуже...

В довесок к прежним порокам, которые уютно свили гнездо в моей душе, я стал писать нестандартные стихи для песен. Что они собой представляют? Это – вся моя непутёвая жизнь, переведённая в форматы Word, MP3, JPEG и спрессованная в ИГБ. Это тексты для тех, кто думать умеет и любит. Это аритмия жизни и сердца – в аритмии строк. Никогда не думал, что участвовать в сотворении настоящей песни столь увлекательно. Когда не получается быть при таинстве – страшно переживаю. Не нахожу себе места – сучу ногами! Манит в момент творчества находиться рядом с композитором!.. (Каждому мужчине – распущенность! – хочется лично участвовать в зачатии своего ребёнка).

На какие-то мои стихи уже написано несколько мелодий, другие своей оправы ждут. Соседка из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», обезумев от внезапно нахлынувшего счастья, обоих мужиков признала своими. И мне бесконечно дороги разные варианты мелодии. Как можно выбирать между солнцем и воздухом? Что лучше: сладкое или пушистое?

Пока... не все мои слова положены на музыку.

Поэтому, ежели у кого-то из читателей есть дар музыкального сочинительства, давайте сотворим что-нибудь! Тексты из сборника «Скит поэзы» ждут вас!

*

Птенцы гнезда Лысенко

Здесь, пожалуй, нужно сделать уточнение: данное эссе – не гимн бездарям и неучам. Я за самодеятельность исключительно творческую. Частенько вспоминаю своё обучение на военной кафедре. Подполковник читал нам, будущим офицерам, лекцию о новых видах вооружения:

– Одним из поражающих факторов ядерного оружия является яркая вспышка, которая может привести к потере зрения у военнослужащих. Для предотвращения глазных травм, потенциальные противники – войска НАТО – используют полароидные очки «Хамелеон». Линзы у них мгновенно меняют прозрачность, в зависимости от освещённости, и в момент вспышки темнеют, защищая глаза от светового излучения, – подполковник ядовито усмехнулся, демонстрирую своё отношение к натовским недоумкам. – Учёные в Советском Союзе разработали свой метод. Он надёжнее.

Я перестал дышать, обратившись в слух: «Ведь можем!.. Просто все заводы секретные, под землёй».

Подполковник выдержал мхатовскую паузу и с гордостью сообщил буквально следующее: при угрозе применения ядерного оружия изготавливается ватно-марлевая повязка и накладывается на правый глаз; в случае травмы левого глаза, солдат может без остановки продолжать стрельбу: «Даже ещё удобнее – не надо прищуриваться! Глаза-то два! – радостно выпалил он, словно это преимущество относилось исключительно к войнам Красной армии».

А вот ещё картинка:

– Как вас с такой дикцией взяли на радио? У вас там что, блат?
– Почему блат? Сестла!

Итак, долой блат!

Долой взяточников и шарлатанов!

Я призываю разорять гнёзда академика Лысенко в науке, оборонке, медицине, строительстве... – проще сказать, повсюду, за исключением самодеятельного творчества. Всюду, где применим критерий истины. Дорогу профессионалам!!!

*

В эссе «Остров откровения» (дневник писателя) честно изложено как я докатился до рифмы и ритма – так врачи,

разрабатывая вакцину, испытывая действие её на себе, скрупулёзно описывают ход болезни... вплоть до смерти. Издатели «Леф» – журнала левого фронта искусства – призывали: «Каждая блоха = рифма должна стать на учёт». По скудости урожая я тоже собираю-сберегаю всё до буковки, пополняю сборник. Зачастую у меня с внутренним голосом взгляды по одному и тому же вопросу диаметрально противоположны. Я категорически! не разделяю его нонконформизм, однако возможность высказаться, по-семейному, даю. У каждого из нас, правда – своя.

Моё внутреннее самоощущение – «толстый лирик»...

Мои вирши – не Кодекс морали, не псалмы, не дидактический свод нравочений, и уж разумеется, не авторская точка зрения. Это скорее некий отголосок души, покинувшей мир прозы и уединившейся в экспериментальную лабораторию русского языка, в схимонашеский скит поэзы.

Ну, вот как-то так...

А теперь, силь ву пле, пристегните привязные ремни и вперёд! Пишите! Смелей! Не слушайте злопыхателей. Если даже я могу слагать слова в рифму, то сможет любой...

И Бог вам в помощь!

Ваш Александр Костюнин

Часть I

Елизавете Евгеньевне Тимоевой

«Дорожите временем
ибо дни лукавы»

К Ефесеям, 5:16

Песни

«...Ты для них – как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий; они слушают слова твои, но не исполняют их.

Но когда сбудется, – вот, уже и сбывается, – тогда узнают, что среди них был пророк».

Книга пророка Иезекииля 33:32,33

Державные

«Подвизайся за истину до смерти, и
Господь Бог поборет за тебя».

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. 4:32

Родительский дом

Родительский дом ждёт нас всегда!

Прямая ссылка на видео смотреть (формат mp4) режиссёр Александр Костюнин:
<https://youtu.be/11dnKTmJ0aQ>; (Победитель в номинации «Лучший социальный ролик»
Международного кинофестиваля «ЗИЛАНТ – 2022»); Победитель в номинации «Родные
лица» конкурса-марафона «Уголок России», Москва 2023).

Тесто радостно выдохнуло «пых»...
Самовар весь в медалях золотых.
В печке жаркий уголёк догорал –
Дом родительский детей поджидал.

В печке жаркий уголёчек догорал –
Дом родительский детей поджидал.

...

Наприедем с дальних-близких краёв –
Сыновей, невесток, дочек, зятьёв!..
Мал-мала бежим-стучим по мосткам –
В окнах свет укажет путь к старикам.

Мал-мала бежим-стучим по мосткам –
В окнах свет укажет путь к старикам.

Дом родительский собрал всех, как в старь...
Пусть вовеки не пустеет тот ларь!
Мать нам вкусных напечёт куличей.
Всех – по имени. Не спросит «ты чей?»

Мать нам вкусных напечёт куличей.
Всех – по имени. Не спросит «ты чей?»

Магарыч нам принесёт с холодка.
Дед, осанясь, лишь пригубит слегка.
В печке жаркий уголёк догорал –
Дом родительский детей принимал.

В печке жаркий уголёчек догорал –
Дом родительский детей принимал.

*

Карелия

Александр Николаевич Трофимову

Видео (режиссёр Александр Костюнин) прямая ссылка на видео смотреть (формат mp4):
<https://youtu.be/UC3eZ2D12M4>;

Песни о Карелии... Тема больная.

Я всегда переживал, как личное оскорбление, что есть лишь одна достойная песня о Карелии: «Долго будет Карелия сниться». Написана она в далёком 1973 году – полвека назад! А ведь если в сводную колонну выстроить нас всех – штатных деятелей культуры республики и таких, как я – любителей: поэтов, писателей, выпускников музыкальных школ за эти годы (в каждом районе есть школа своя), да ещё встанут плечом к плечу выпускники музыкального училища, консерватории... ВКонтакте зарегистрировано более трёх! тысяч! (3000) выпускников и педагогов ПГК им. Глазунова. Силища!!! Хвост колонны, походу, будет в Карелии, голова – в Москве.

А песня одна...

Автор – Колкер, карел. Другой карел, Игорь Губерман (для меня каждый гениальный поэт – земляк!) натолкнул на разгадку этой страшной тайны – почему нет песен своих:

Если надо – язык суахили,
сложный звуком и словом обильный,
чисто выучат внуки Рахили
и фольклор сочинят суахильный.

После знакомства с этими строками я ходил, как в воду опущенный... Нет. Просто опущенный. Оказывается, только «внуки Рахили» способны сочинить достойную песню... Чувство стыда за

свою беспомощность переполняло. Чувство неисполненного долга перед малой родиной, перед дедами и прадедами жгло, поднимало на творческий бой и взятие неприступной высоты под названием «Песнь о Карелии».

В итоге мы написали свою песню – сделали, что могли – и стало легче. Есть разные варианты мелодии – антология одного текста, разные исполнители... Истинную песню, извините за выпренность, выберет народ.

Итак, встречайте! Наша песня «Карелия»:

Дымка над озером и церквями
Зыбким туманом стелется.
Сердце просится ввысь голубями!
Явь, а мне всё не верится.

Белые ночи, ноченьки-ночи...
Мы не сомкнули оченьки-очи.
Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

...

Солнца луч коснулся соломинкой
Сосен верхушек и елей.
Месяц нежной маленькой родинкой,
На небосводе белеет.

Белые ночи, ноченьки-ночи...
Мы не сомкнули оченьки-очи.
Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

...

Солнышка луч целовал нам лица,
На опоздавших досадуя.
Пел в обнимку с первыми птицами,
Всех смущая и радуя.

Белые ночи, ноченьки-ночи...
Мы не сомкнули оченьки-очи.
Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

Чистыми акварелями
Приворожила Карелия...

*

День весны

Посвящается Великой Победе!

«Россия будет бороться с попытками фальсифицировать историю Второй мировой войны». Президент РФ В.В.Путин; «Те, кто врёт о войне прошлой, приближают войну будущую». Виктор Астафьев, писатель, фронтовик;

Видео (режиссёр Александр Костюнин) прямая ссылка на видео смотреть (формат MP4):
<https://youtu.be/hxGVBLQjfXg>; (Победитель в номинации «Лучший социальный ролик» Международного кинофестиваля «ЗИЛАНТ – 2022»)

С дедом нас разлучило не время,
А Великая та война!
Не сидел у него на коленях.
Безотцовщина – вся страна...

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.

...

Вы на порог не пустили беды,

И не дрогнув, пали в бою.
Замостили собой путь Победы...
Не допев колыбельную.

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.
...

Уходил он, не зная про сына...
На фронт мужу нежной строкой
Отписать не успела Арина:
«Любим! Ждём с победой домой!»

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.

День весны! – не зимы! – Отчизны.

*

Народное гуляние

Радуга-дуга

Владимиру Георгиевичу Бояринову

Север красками играет,
Ночка писаной красы.
Искры снежные летают,
Свет от девичьей косы.

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

...

На губах снежинки тают,
Своим жаром их гблбю.
Я в глазах его читаю
Долгожданное «люблю».

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

...

А девчата все подряд
Красою очарованы,

Щёки красные горят
Морозом зацелованы.

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

...

Светит иней на ресницах,
Варежки опять в снегу,
Может, это только снится,
Угадать я не могу.

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

*

Одуванчики

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Ленин В.И. «Задачи союзов молодёжи»

Хороводят хоровод
Одуванчики.
Предложение твоё
Мне заманчиво...

В роще иволга поёт
Все заслушались.
Кавалера себе ждёт
Непослушного...

В роще иволга поёт
Все заслушались.
Кавалера себе ждёт
Непослушного...

...

Лето красное встречать
Полагается.
Одиноким, хмурым – штраф
Налагается.

Целоваться станем всласть
До заутрени.
У весны большая власть –
Знаю внутренне.

Целоваться станем всласть
До заутрени.
У весны большая власть –
Знаю внутренне.

...

Хороводят хоровод
Одуванчики
В золотисто-расписных
Сарафанчиках.

Лето красное бежит,
Улыбается.
Предложение твоё...

Принимается.

Лето красное поёт,
Улыбається.
Предложение твоё...
Принимается.

*

Новый год

Светит ярко ёлка на дворе
День последний в этом декабре.
Сказку каждый хочет в Новый год, в Новый год.
Сказка в полночь и к тебе придёт...

Сказку каждый хочет в Новый год, в Новый год.
Сказка в полночь и к тебе придёт...

Ты собратсья вместе попроси, попроси
Огоньки зелёные такси.
Всех друзей на праздник пригласи, пригласи –
Эту весть скорее донеси!

Новый год, Новый год!
К нам под вечер придёт.
Новый год, Новый год!
Сказку всем принесёт...

...

Огоньки, мерцающий салют,
Конфеты и рюмка «Абсолют»
Увлекают в общий хоровод, хоровод
Чтобы дружно встретить Новый год.

Увлекают в общий хоровод, хоровод
Чтобы дружно встретить Новый год.

Ты собраться вместе попроси, попроси
Огоньки зелёные такси.
Всех друзей на праздник пригласи, пригласи –
Эту весть скорее донеси!

Новый год, Новый год!
К нам под вечер придёт.
Новый год, Новый год!
Сказку всем принесёт...

*

Песня под баян

Отцу – Виктору Алексеевичу Костюнину

Баян – распахнётся душа...
Баян, выдай, как встарь!
Нахлынет, сердца тормоша,
И развеется хмарь.

Нахлынет, сердца тормоша,
И развеется хмарь.

Веселится иль плачет баян –
Сладен звук миража.
Переливами музыки пьян,
Гармоники куража...

Баян – распахнётся душа...
Баян, выдай, как встарь!
Застонет баян, ворожа,
И развеется хмарь.

...

Льётся во всю нашу ширь
Песня – счастья венец!
До чего ж ночки с ней хороши
Я б с такой – под венец!

До чего ночки с ней хороши
Я б с такой – под венец!

Баян – распахнётся душа...
Баян, выдай, как встарь!
Нахлынет, сердца тормоша,
И развеется хмарь.

Русь нахлынет, страстью дыша..
И развеется хмарь.

*

Онежская кадриль

Видео (режиссёр Александр Костюнин) прямая ссылка на видео смотреть (формат mp4):
<https://youtu.be/NnE9hGDmBp0>;

О-ой дари-дари-дари-дари-дари-дари-де,
О-ой дари-дари-дари-дари-дари-дари-де,
О-ой дари-дари-дари-дари-дари-дари-де,
О-ой дари-дари-дари-де...

Волны парами ведут кад-риль,
Камни каблучками: топ-топ.
Вечер нас любовью о-кро-пил –
Камыши в ладоши: хлоп-хлоп.

Вечер нас любовью о-кро-пил –
Камыши в ладоши: хлоп-хлоп.

О-ой дари-дари-дари-дари-дари-дари-де,

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дариде...

Лодки радостно кивают нам –
 Нас согласные везти вдаль.
 Вдаль по всем далёким сторонам –
 Травы стелятся: легли вдоль.

Мы к воде, к воде да между скал,
 Взявшись за руки, бежим прочь.
 Ветер все сомненья заглушал –
 От отчаянья, бежим в ночь.

...

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дариде...

Волны катятся и ка-тят-ся,
 Пена рюшами шуршит в такт:
 «Ой, прости отец и ма-ти-ца!..
 Знать, нельзя нам по-другому никак».

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дариде...

Волны парами ведут кад-риль,
 Камни каблучками: топ-топ.
 Вечер нас любовью о-кро-пил –
 Камыши в ладоши: хлоп-хлоп.

Я судьбу свою здесь за-кад-рил –
 Камыши в ладоши: хлоп-хлоп.

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
 О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,

О-ой дари-дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дариде...

*

Брейк-данс

Резко встал.
Оп-ппа!..
Пове-еело... Повело сразу душу на данс.
На данс, на данс.
Оп-ппа!..
Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,
Блюдал, блюдал.

Оп-ппа!..
Пове-еело... Повело сразу душу на данс.
На данс, на данс.
Оп-ппа!..
Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,
Блюдал, блюдал.

Э-хе... Браво! Ещё бы, ещё..
Шаг ногою шагнуть не могу..
Лишь рукой.
Но это орут все: «Не в счёт! Не в счёт!»

Можно, вас!.. Да, вас.
Вот сюда и сюда целовать.
Нет не так, мы ж собьёмся с ритма, а... А жаль.
А жаль, жаль... А жаль, как жаль... как жаль!

Оп-ппа!..
Пове-еело... Повело сразу душу на данс.
На данс, на данс.
Оп-ппа!..
Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

Оп-ппа!..

Пове-еело... Повело сразу душу на данс.

На данс, на данс.

Оп-ппа!..

Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

Хип-хоп! Хип-хоп!

Гарцевал, говорят, словно зверь, битый час

Не жалея ни пол, ни себя... А! А...

Все орал мне «классный брейк-данс у тебя!!!»

А я... А я... А я... А я... А я... А я...

Просто к выходу шёл.

Все колени и локти отбил.

Отбил, отби-ил...

Оп-ппа!..

Пове-еело... Повело сразу душу на данс.

На данс, на данс.

Оп-ппа!..

Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

Оп-ппа!..

Пове-еело... Повело сразу душу на данс.

На данс, на данс.

Оп-ппа!..

Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

.....

Да пошли вы...

Я просто к выход шёл...

Так, а где Серёга?

Серё-ооо-га!!!

*

Заимка

В позёмке кружится весь мир
и тонет.
К нам в двери ломится буран
и стонет.
Хоть белый свет накрыла тьма –
Не жалко.
От ласки и медовых слов
так жарко.

Хоть белый свет накрыла тьма –
Не жалко.
От ласки и медовых слов
так жарко.

А мы одни, с тобой вдвоём.
И мёрзлых окон окоём.
А мы одни... с тобой... вдвоём...
...

Огонь в печурке – сам не свой –
воркует.
Пятнашки света на стене –
ликуют.
Пускай день этот длится век,
мне ясно:
Не нужно лучшей доли ждать –
напрасно!

Пускай день этот длится век,
мне ясно:
Не нужно лучшей доли ждать –
напрасно!

А мы одни, с тобой вдвоём,

И мёрзлых окон окоём.
А мы одни... с тобой... вдвоём...
...

Ревнует, бесится буран –
обидно!
Украдкой смотрит к нам в окно –
завидно!
И пусть лютует ураган,
пусть злится.
Из топки выпал уголёк –
искриться.

И пусть лютует ураган,
пусть злится.
Из топки выпал уголёк –
искриться.

А мы одни, с тобой вдвоём.
И мёрзлых окон окоём.
А мы одни... с тобой... вдвоём...

*

Мы и наши скрепы

...И дружно ему закричали друзья:
– Нам всем непонятна манера твоя!
И так как они не признали его,
Решил написать он
Себя самого.
И вышла картина на свет изо тьмы...
И все закричали ему:
– Это мы!

Леонид Мартынов

Дачка

Эх, кабы землицы нам поболе... Тогда и на Русь заглянуло б Счастье!

Домик Тыквы: сидя ешь и спишь.
 Отвечай, чего же ты молчишь?
 Нет прислуги? Ну ты, блин, даёшь...
 Зато рукою до калитки достаёшь.

Эх ты, дача-даченька-дачушка –
 Козырёк над шаткой раскладушкой.
 Может, тесноватая в плечах,
 А зато тепло, как при свечах.

Здесь не смей чихнуть или похуже –
 Зыбкая конструкция не сдюжит.
 Жалко, без движения опухнешь.
 Плюс другой – зато всегда на кухне.

Эх ты, дача-даченька-дачушка –
 Козырёк над шаткой раскладушкой.
 Может, тесноватая в плечах,
 А зато тепло, как при свечах.

На одной ноге стою и счастлив.
 Никаких желаний нет – угасли.
 И, хоть зад на улице, – не комик.
 Ты не смой струёй уютный домик!

Эх ты, дача-даченька-дачушка –
 Козырёк над шаткой раскладушкой.
 Может, тесноватая в плечах,
 А зато тепло, как при свечах.

Эх ты, дача-даченька-дачушка –
 Козырёк над шаткой раскладушкой.
 Может, тесноватая в плечах,
 А зато тепло, как при свечах.

*

Маня

Вариации на тему Николая Алексеевича Некрасова: «Есть женщины в русских селеньях».

Маня – наша творческая личность.
Маня – наше «Оторви и брось!»
Ей не скрыть свою акадЭмичность
И мосол, ну, белую ту кость.

Другие – ни напиток, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.
Бывает, блин! так людям повезти.
...

Плюсы Мани – ни сочтёшь, ни сбросишь,
Пальцы зря свои не загибай!
У любого на деревне спросишь...
Ты не стой, ты, главно, наливай!

Так бухать – с рождения задатки!
Мало спать со школьным букварём.
В кураве – любого на лопатки!..
У неё талантище во всём.

Другие – ни напиток, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.
Бывает, блин! так людям повезти.

Другие – ни напиток, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.

Бывает, блин! так людям повезти.

*

Банька

Банька с веничком – наша душа!
Генерал или рядовой –
Всем уравниательно-хороша.
Парку я подкину – не вой!

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!

...

Веник берёзовый и родной,
Пляшет, листом гудя,
Ходит по спинам, как заводной,
Инстинкты шальные будя.

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!

...

С мороза лютого – в самый жар!
Полымя хотя, но не гарь.
В турецкой – разве там пар?!
Вымя, гляди, не ошпарь.

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!

*

Первый аккорд

Нас, самодеятельных музыкантов, в силах не понять каждый.
С тем, чтобы ободрить себя и братьев своих, написана эта песня.

А эм... Хоп!..

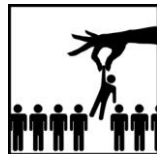
Я научился играть на гитаре...
Я научился играть на гитаре –
Пока...
Пока только в карты.
Уж я не так бы по струнам мог вдарить...
Уж я не так бы по струнам мог вдарить!..
Но нет...
Но нет в жизни фарта.

Е-eee! Е-eee! Е-eee!

Эх, взять бы первый аккордище,
А дальше пойдёт само!
Пойдёт, коль соседи не тормознут
И не применяют сумо...
Не применяют сумо!..

Для меня овладеть аккордом «А эм»...
Для меня овладеть аккордом «А эм» –
Это – шаг!
Шаг на пути в оркестр.
Там сбациаю быстро на зависть я всем...
Там сбациаю чётко на зависть я всем!
И – вперёд!
В мировой реестр.

Ну, а «грифом» зачем вы назвали верх?
Гриф – птица не наша.
Назвать деталюгу советую «стерх».
Тогда!..

Тогда – воля ваша...

Ваша! Ваша! Ваша!..

Эх! взять бы первый аккордище,
А дальше пойдёт само!
Пойдёт, коль соседи не тормознут
И не применят сумо...

Эх, взять бы нам первую высоту –
Дальше пойдёт само!
Пойдёт, коль соседи не тормознут
И не применят...
Не применят сумо...
Не применят сумо.

*

Братцы

Человек нуждается в моральной поддержке и неприкрытой лести, а уж если в собеседнике, то – непременно уступчивом, остроумном, терпеливом, душевном. И, главное, за ним ходить далеко не нужно... Это – единокровный брат, наш внутренний голос! Нельзя ругаться со вторым «Я»! Иначе можно остаться совсем одному...

Голос внутренний дан
для баланса. Ну и зачем
всюду лезть? Ты мира ищи,
а не ди-ссо-нан-са.

Неугомонный мой глас,
разлюбезный... Ох, дать бы под глаз!..
Но терплю, братишка тебя,
потому, как трезвый!

Но, со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.

А раз так – решили братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Ты кончай возникать!
не по делу речи толкать!!!
В прошлый раз зачем разбудил
во мне А-за-зе-ллу!

Ты – советник дурной!
ну зачем подбиваешь на бой?
Я что, ниндзя? Как же всё мне
это на-до-е-ло!

Но, со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
От того решили братцы
основательно надраться.

*

Деревенька

Где деревенька та прежняя,
Сказочная и нежная?
Как подзаборный сорняк-репей,
Ненужною стала теперь.

А раньше, бывало, затынем песню...
Вспоминать о деревне тяжко,
В сказочном сне, уповаю, воскресни!
Душа домой рвётся, бродяжка.
Не химия в плёнке – в масле олашки,
Родникова водица – в кадке.
Не секс в телефоне – ласки Малашки.
Деревенька – ягодка сладка.

Воздух глотнёшь и... – не можешь напиться.
Сенокос – до упаду, банька!
Мы все за деревню станем молиться...
За здоровье ей поднимай-ка!

Где деревенька та прежняя,
Сказочная и нежная?
Как подзаборный сорняк-репей,
Ненужною стала теперь.

Как подзаборный сорняк-репей,
Ненужною стала теперь.

*

Королевская рать

Посвящается Роману Мадянову, единственному артисту, который публично извинился
за роль палача в сериале «Штрафбат».

Коль в паутине запутался –
Сразу гремят оковы:
«В жалость не пробуй укутаться!
Песенка та – не нова...»

«В жалость не пробуй укутаться!
Песенка та – не нова...».

Конвоиры вели черепа, скелеты,
Цепкую свив паутину.
Уводили под дулом в безвестность, в Лету,
Надеясь – всё скроет тина.

– Мы послушно чужой исполняли приказ:
«Списать всех в расход – расстрелять!»
Есть немало людей, что сидят выше нас...
Мы – лишь королевская рать.

Мы – лишь королевская рать.

Но однажды проснёмся: самих пауков –
Пучком посадили в банку.
Их никто не избавит тогда от оков –
Хватит им жить наизнанку!..

– Мы послушно чужой исполняли приказ:
«Списать всех в расход – расстрелять!»
Есть немало людей, что сидят выше нас...
Мы – лишь королевская рать.
Мы – лишь королевская рать.

*

Непрямоходящие

«Мы – прямоходящие», считает Александр Збруев.

Мы – «непрямоходящие»...

Библейский факт эволюции –
Найден декрет с резолюцией:
«Людам за грехопадение
Отказать в прямохождении».
Брюнеты, рыжие и плешивые,
Певчие и молчаливые.
Мы при этом все живородящие,
Хотя непрямоходящие.

Мало кто ходит с достоинством.
Взять рыб и рептилий воинство... –
Не одиноки мы вовсе на свете –
И у змей ползущие дети.

Брат мой, бесхребетный и вездесущий,
Давай, не на кровососуших!.. –
На гордых пингвинов будем равняться!
С колен нам бы только подняться...

Библейский факт эволюции –
Найден декрет с резолюцией:
«Людам за грехопадение
Отказать в прямохождении».

Библейский факт эволюции –
Найден декрет с резолюцией:
«Людам за грехопадение
Отказать в прямохождении».

*

Небесные птицы

– Живите, как небесные птицы!..
 Как птицы небесные, как птицы небесные...
 Живите, как небесные птицы!..
 Как птицы небесные, как птицы небесные...
 Живите, как небесные птицы!..
 Как птицы небесные, как птицы небесные...
 Живите, как небесные птицы!..
 Как птицы небесные...

Не сеют, не пашут птицы
 Однако живут сытно.
 На небе – ярче денницы! –
 И с ветром почти слитны.

Не склонны к пустым эффектам.
 Бомжей у них в стае нет.
 Не падкие на прожекты:
 Пилить и пилить бюджет.

Не клонут соперника в глаз –
 Житейская этика!
 Спешат на встревоженный глас –
 Такая генетика.

По жизни птицы с собою
 Своё всё носят всегда.
 За родину к смертному бою,
 Готовы, как никогда.
 – Живите небесными птицами
 И станет в мире светлей.
 Все кинулись с ясными лицами...
 Гадить с крыш на людей!

Живите, как небесные птицы!..
 Как птицы небесные, как птицы небесные...
 Живите, как небесные птицы!..
 Как птицы небесные, как птицы небесные...
 Живите, как небесные птицы!..
 Как птицы небесные, как птицы небесные...
 Живите, как небесные птицы!..

Как птицы небесные...

*

Советская заздравная

Сперва капиталистов-буржуев, «белых» и «кулаков» (так им, мироедам, и надо!). Затем своих противников, попутчиков, соратников и первые волны палачей. В девяносто шестую очередь крестьян, священников, командиров плюс – гуртом! – десять народов. Потом генетиков, потом кибернетиков, потом с правым уклоном, потом, заодно, с левым. Потом врачей, потом... А список «врагов народа» всё пополнялся и разбухал. Похоже, если б Великая Отечественная война не отвлекла от дел праведных, неутомный Тараканище постепенно уничтожил бы нас всех. Всех, до одного.

Спасибо за всё!

Спасибо, что жили и верили,
И судьбу пятилетками мерили!
За ударный труд, разбатраченный,
Иллюзии порастраченные.

За дом, где не попили, не жили.
Страну, где не только нас нежили...
Энтузиазм и отвергнутый крест –
Сострадания не сыщешь окрест.
За войнолюбивых воителей,
За детишек, предавших родителей,
За могилы поруганных предков.
Вспоминанья глазонькам едки...

Спасибо, что жили и верили,
И судьбу пятилетками мерили!

Спасибо, что жили и верили,
И судьбу пятилетками мерили!

Спасибо за всё!

*

Молоток

Сл. Лев и Александр Костюнины

олег сказал оксане гордо / теперь кладёт он #уй на всех / а та с рулеткой объясняла / на
всех не хватит твоего (пирожки)

Ночь. Маршрутка. И светит фонарь.
На душе беспросветная хмарь...
Я с работы уволен. И пусть!..
Я не дам одолеть себя, Грусть.

Окружают враги! Ну и пусть!
Для начала, пожалуй, напьюсь...

Взгляд скользнул по стеклу – оба-на!
Там подсказка висит у окна:
«Не тушуйся! – мне знак подают, –
Защити свой душевный уют.

«Не тушуйся! – мне знак подают, –
Защити свой душевный уют.

Молоток! находиться у водителя!!!»

Козырь есть у меня неплохой!
На душе сразу – радость-покой.
Натерпелся я в жизни... Хана!
От начальника-брюхана.

Ой, натерпелся я в жизни... Хана!
От начальника-брюхана.

Если что, молоток у водителя...

Не с пустыми руками теперь.
Ты, любимая, лучше поверь!
Пилишь-пилишь, что бездарь и мот
Потому и не варишь компот.

Пилишь-пилишь, что бездарь и мот
Потому и не варишь компот.

Все соседи твердят, что я лох.
Их прижму крепко ногтем, как блох...
Им – ни «здрасьте» теперь, ни «налей».
Я устрою им жизнь веселей!..

Хватит, натерпелись... Молоток у водителя!..

Козырь есть у меня неплохой!
На душе сразу радость-покой.
Молоток... молоток, молоток.
Ты захлопни скорее роток.

Молоток... молоток, молоток.
Ты захлопни скорее роток.

Молоток, молоток, молоток...
Молоток, молоток, молоток.

*

АВОСЬ

Таба-гатам таба-габа-татам
Таба-гатам таба-габа-татам

У нас если нельзя, но хочется...
Твори всё с верой в «авось»!
Не гляди, что вокруг хохочутся...
Не дрейфь ты так сильно, брось!

Дела в мире идут вкривь-вкось.
Завидуют нам, небось!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.
...

Ещё прагматизм всем предъявит счёт –
Уа!
Икнётся им бизнес-план.
Когда-нибудь да подведёт расчёт...
Да-аа...
Спасёт всех Авось-Иван.

Дела в мире идут вкривь-вкось.
Е!
Завидуют нам, небось!
Е-е-е!..
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.
...

Все считают, что мы с голым задом –
Свово, мол, ничё нету.
То – давно технологии нано...
Почитайте газету!

Дела в мире идут вкривь-вкось.
Завидуют нам, небось!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.
...

Мир, на нас задираться-то брось!
Е-е-е!
Погнём шас глобуса ось.
Ха-аа...
Небо нас «крышует», небось!
Секрет?.. Выкуси, накость!

Дела в мире идут вкривь-вкось.
Завидуют нам, небось!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.
...

Дела в мире идут вкривь-вкось.
Вау!
Завидуют нам, небось!
Е-ее!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.

Авось!
Авось!
Авось!

Е-ее!

*

Русская любовная лирика

Млечными туманами

Млечными туманами, берегом реки,
Грешными дурманами, взорам вопреки
Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем опалённые.

Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем опалённые.

Берега дивились: руслу вопреки,
Два притока слились у одной реки.
Мы идём, идём, идём – души истомлённые,
Потихонечку поём, счастьем окрылённые.

Мы идём, идём, идём – души истомлённые,
Потихонечку поём, счастьем окрылённые.

Ночка черноокая – час для ворожбы!
Слились два истока в линию судьбы.
Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем упоённые.

Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем упоённые.

*

Рябина

Первый на лужицах тонкий ледок
И заливные листья.
Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин терпкие кисти.
Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин терпкие кисти.

Солнце лучится – греть лишь не греет.
Рябина всё слаще горчит.
Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

А тот, кому свой жар берегла
Прижался к другой ветвями.
Если бы... если бы только могла,
Огонь залила б дождями.

Если бы... если бы только могла,
Огонь залила б дождями.

Солнце лучится – греть лишь не греет.
Рябина всё слаще горчит.
Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

Первый на лужицах тонкий ледок
И заливные листья.
Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин алые кисти.

Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин алые кисти...

*

Март

Март. И морозы закончились.

Запахи пряные.
Зима сосулькой с балкончика
Слёзы льёт пьяные.

Ветер всё распяляется,
Раму трясёт, греша.
Выстрадав, истомляется
Отвергнутая душа.

Ветер всё распяляется,
Раму трясёт, греша.
Выстрадав, истомляется
Отвергнутая душа.

Ветер всё распяляется,
Переходит с мольбы на ор.
В липу тополь влюбляется
Треплет себе вихор.

Ветер хмельной и южный
Ломится в двери, в ночь.
Он, как и я, ненужный,
Чем мне ему помочь?..

Ветер хмельной и южный
Ломится в двери, в ночь.
Он, как и я, ненужный,
Чем же... нам всем помочь?

*

Совпадение

Совпадают в жизни дороги,
Приводя к одному порогу.
Совпали луна и полночь –
Не примерно, а точь-в-точь.

Совпадает огонь и лучина –
Не найдётся на то причина
Тепло их вновь разделить,
Одиночества холод испить.

Совпадают и мысли грешные –
Ничего в этом нет потешного.
Совпадает в любви дыхание,
Двух теней на стене колыхание.

Совпадают стрелки часов,
В песне душевной – хор голосов.
Совпала с музыкою строка –
Лишь по-прежнему ты строга.

...

Сердца бешеный стук – с немотой.
Даже свет – с беспросветной тьмой.
Стрелок бег и часов бой –
Не совпали лишь мы с тобой...

Сердца бешеный стук – с немотой,
Даже свет – с беспросветной тьмой.
Стрелок бег и часов бой –
Не совпали лишь мы с тобой...

Стрелок бег и часов бой –
Не совпали лишь мы с тобой.

Не совпали лишь мы с тобой...

*

Осенняя элегия

Он говорит со мной, как с нелюбимой,
В щёчку целует слегка на прощанье.

Он смотрит, кажется, сквозь – будто мимо.
Не сыплет сладкими обещаньями...

И я о нём не думаю вовсе,
Не нужны мне его взгляды.
Обычный мужик, как все, в общем,
А все мужики... – гады.

...

Кажутся лишними его ласки –
Вроде люди совсем мы разные.
Я читала подобные сказки...
Жаль, любовь незаразная.

Не замечает! Не замечает...
Зачем же так сердце стонет?
Выпить, может? Только не чаю...
Я как шлюпка, что в бурю тонет.

А, может, нужно стать понежнее?...
Кому нужна моя жёсткость?!
И побежать навстречу быстрее,
Не заметив по телефону колкость...

Я б побежала ему навстречу –
Ведь по сердцу соглашаться.
А он: «Домой пора, уже вечер».
Ну почему так тянет ругаться!..

Ах, как я бы летела навстречу,
Вовсю распахнув объятия,
Но боюсь сердцу увечий,
Он скажет ведь: «Мы – не братья».

Если б ни горечь слёз, то даже мило...
Да, я не плачу. Нет – всё очень мило!
Мне, представьте себе, вся любовь его...
Не дороже верёвки и мыла...

*

Молчание

Наталье Хиля

Кромка света и тьмы – беззвучие.
Утра грань и ночи – покой.
Захлебнулись дрязги трескучие...
Тишина, нас собою укрой.

Человеческое молчание –
Не всегда от отчаянья.
Не трепетных чувств угасание –
Душ родимых касание.
...

В любви слова лишни,
Звуки будут мешать...
Хорошо на закате жизни,
Когда есть с кем помолчать.

Человеческое молчание –
Не всегда от отчаянья.
Не трепетных чувств угасание –
Душ родимых... срастание.

*

Кручина

По сердцу нашла я кручину –
Всех он любит, да лишь не меня.
Горечь радости, страсть не по чину –
Оставляю, его не виня...

Горечь радости, страсть не по чину –

Оставляю, его не виня...

Я стою, ясным солнцем согрета...
И река до чего ж хороша!
Неужель моя песенка спета?
Вспомню жизнь, уходя, вороша...

Неужель моя песенка спета?
Вспомню жизнь, уходя, вороша...

Запахнуся закатом багряным,
На груди – крест на крест – два крыла,
Одурманюсь тем запахом пряным,
Раз любовь не сыскала угла.

Одурманюсь тем запахом пряным,
Раз любовь не сыскала угла.

По сердцу нашла я кручину –
Всех он любит, да лишь не меня.
Горечь радости, страсть не по чину –
Оставляю, его не виня...
Оставляю, его...

*

Бумажный кораблик

Души тянутся к друг дружке.
Я шепчу тебе на ушко.
Дождик грустный за окошком –
Звёзды спрятались в лукошко.

Взявшись за руки мы кружим –
Огорчаться нам не нужно –
Уплываем вдаль обнявшись,
Жаром внутренним сравнявшись.

Взявшись за руки мы кружим –
Огорчаться нам не нужно –
Уплываем вдаль обнявшись,
Жаром внутренним сравнившись.
...

Тусклый свет из дальних окон.
Обжигает нежный локон –
Сон чудесный, длись подольше,
Солнце, не включайся больше!

Но кораблик из бумаги,
Из себя пример отваги –
На волнах не нас качает...
Врозь с тобой рассвет встречаем.
...

Но кораблик из бумаги,
На волнах не нас качает...

*

Метель-метёлочка

Вере Антоновне и Петру Степановичу Лукиным

На дворе метель-метёлочка метёт,
А меня никто сегодня не ждёт...
Вдруг в стекло снежок желанный прилетел –
Жар медовый до ресниц завладел.

Тропкой снежной в сельский клуб далеко.
Как же с хутора дойти нелегко...
Провожатый нужен ой! боевой!
Не добраться ни за что мне одной!
Кавалер мой и не весел, не рад,

Объясняется подчас невпопад:
Говорит, а сам волнуется весь.
Тут моя куда-то делася спесь...

И подруженьки не ждут у ворот,
Им сегодня от ворот – поворот.
С пониманием подходят они,
Знают крепко: это нашеньки дни.

На дворе метель-метёлочка метёт,
Меня с милым на гулянье зовёт.
Запорошит снежный пух запахнёт,
Начиная сладкой жизни отсчёт.

На дворе метель-метёлочка метёт,
Меня с милым на гулянье зовёт.
Запорошит снежный пух запахнёт,
И, похоже, под венец приведёт.

На дворе метель-метёлочка метёт!..

*

Одуванчик Лера

Радость моя, одуванчик Лера,
Счастье шисяд восьмого размера.
Радость моя, одуванчик Лера,
Обворожительного размера!..

Радость моя, одуванчик Лера,
Обворожительного размера!..

На блёклом лугу – фиалка
Солнышко ты ночное.
Сдобная пышечка, жалко

Много нельзя мучного.

На руках бы тебя носить... –
Не поднять, я пробовал.
Так хочется в жизни вкусить
Чего-то особого.

Приплюсованный каждый грамм –
В дом – добро, дивиденды.
Никому тебя не отдам!..
Если только в аренду.

Радость моя, одуванчик Лера,
Сладкая сладость, слаще эклера!
Плюс ко всему – роскошное тело
И романтических фантазий сфера...

Радость моя, одуванчик Лера,
Обворожительного размера!..

Радость моя, одуванчик Лера,
Когда-то шисяд восьмого размера...

*

ОГНИВО

Мне жаль человека, кто не читал сказку... А ещё больше, того, кто ЛИЧНО не испытал сказочного чувства.

Я хочу, как в сказке, – огниво!
И принцессу увидеть спящей...
Любоваться на это диво,
На раскованность губ манящих.
Любоваться, забыв о мире.
Любоваться, не строя планов...
Слышать сердца стук под мундиром,

Как в сражении самом главном.

Поле битвы – в душе и в мыслях.
Потерпел я крах поражения...
Ранен в сердце, «без вести» числюсь.
Рад безумно! Не сожалею.

Волшебства другого не нужно...
Потерял я навеки покой.
Я теперь – солдат безоружный,
Поступайте хоть как со мной.

Я ищу, как в сказке, огниво...

*

Ночь-бикини

Тихо мерцают угли:
Ярко-алым и синим.
Юный май ночке смуглой
Примеряет бикини.

Покрова нет – имитация...
Стали симпатии явными.
Активный поиск, локация
Пути нам укажут главные.

Где тихо мерцают угли:
Алым-алым и синим.
Юный май ночке смуглой
Примеряет бикини.

Оттаяли чувства вечные...
Любовь, сметая запруды,
Кружась потоками встречными,
Нахлынула отовсюду...

Зима позади – за плечами!
В одеянии я томлюсь.
Солнце согреет лучами.
А мы с тобою станцуем блюз...

Тихо мерцают угли:
Ярко-алым и синим.
Юный май ночке смуглой
Примеряет бикини.

Юный май ночке смуглой...

*

Бегство из рая

«Не жалеете, что испытали любовь и были высланы из рая?» – этот вопрос вызывает лишь жалость к собеседнику и снисходительную улыбку: «Маленький ещё!..»

Серебрится в лучах заката
Тёмной реченьки синь-синева.
Твои губы, цвета агата,
Целовал бы всю ночь, но сперва...

Дай вздох на тебя наглядеться,
Рассмотреть чудные веснушки,
На девичьей груди разговеться,
Глядя локоны-завитушки.

Мы стоим на пороге из рая,
Опуская глаза свои ниц.
Утаить правду нужно, я знаю –
По штрих-коду читая с ресниц.
Закричаться от счастья охота!
Ты приложишь пальчик: «Не нужно».
Повезло: отпустили босоту...

Добром Змея помянем дружно!

Серебрится в лучах заката
Тёмной реченьки синь-синева.
Твои губы, цвета агата,
Целовал бы всю ночь...

*

Шампанское брют (танго)

Брызги морские, сказочный бриз,
Образ туманный – мыслей каприз.
Образ желанный, таинство грёз
В свете нечаянно вспыхнувших звёзд.

Волны пенятся шампанским брют,
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

Локон воздушный, недоулыбка...
Что, если это – просто ошибка?
Голову чуть вскружило шампанским,
Пляскою той разудало-цыганской.

Волны пенятся шампанским брют
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

...

Волны пенятся шампанским брют
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

Ноги набрали адрес твой личный.
Может, пора нам убрать кавычки?..
И, уплывая в глаза друг другу,
Знать, что не можем ходить по кругу...

Волны пенятся шампанским брют
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

*

Орлица

Тамаре Суламбековне Бесаевой

Словно цепью скована орлица,
Ты тоскуешь на земле давно.
Ты не беса – Богдава крупица
И взлетать нам вместе суждено.

В даль ту бесконечно-потаённую...
В даль, куда и птицам путь закрыт.
В даль, от суеты освобождённую,
Где душа с душою говорит.

Для тебя мерцает гранью слово
Блеском ненавязчиво-бездонным,
Рифма, вдруг пришедшая без зова –
Птицей быть уставшая бездомной.

И строка, как воздух невесомая,
Как молитва, что не высказана вслух,
Близкая и вроде незнакомая –

Как томимый упоением дух.

...

Словно цепью скована орлица,
Ты тоскуешь на земле давно.
Ты не беса – Божова крупица
И взлетать нам вместе суждено.

В даль ту бесконечно-потаённую...
В даль, куда и птицам путь закрыт.
В даль, от суеты освобождённую,
Где душа с душою говорит.

В даль, от суеты освобождённую,
Где душа с душою...

*

Земляника

Внучке Вике. На вырост...

Июльский день. Лето в разгаре.
Как дню я тому благодарен!..
Ты с губ моих ягоды ела –
Вовсю земляника
Вовсю земляника
Вовсю земляника
...созрела.

Ароматная та земляника!
Сладкая, нежная ликом.
Земляника моя, земляника моя,
Земляника моя, земляника...
Залив тонул в солнца шёлковых бликах
С плеча соскользнула туника,
Вода твои гладит колени... и выше...

Целует грудь, родинку ищет.

Ах, волшебная та земляника!
Сладкая, нежная ликом.
Земляника моя, земляника моя,
Говорю я, а слышится – «Вика».
...

Ах, волшебная та земляника!
Сладкая, нежная ликом.
Земляника моя, земляника моя,
Говорю я, а слышится – «Вика».

Земляника моя, земляника моя...
Владычица сердца, Вика!

Июльский день. Лето в разгаре.
Как дню я тому благодарен!..

*

Восьмое марта

Два ноля соприкасаясь,
Превратились в цифру восемь.
Расцветает чувства завязь.
На душе – весна! – не осень.

На душе – весна и песня
О чудесном из открытий:
Мы друг другу интересны,
Аж до серости событий!

Восьмое марта! Восьмое марта!
Звучит признание на струнах барда.
Восьмое марта! Восьмое марта!
Все окна – настезь! Душе азартно...

Восьмое марта! Восьмое марта!
Душе азартно...

...

Мы нечаянно влюбились,
Растрев свои привычки...
А соседи, как не бились, –
Упорхнули обе птички.

Нарушая все законы,
Напоследок спутав краски,
Бликом солнышка оконным –
Без следа и без огласки.

Восьмое марта! Восьмое марта!
Звучит признание на струнах барда.
Восьмое марта! Восьмое марта!
Все окна – настезь! Душе азартно...

Восьмое марта! Восьмое марта!
Душе азартно...
Душе азартно...
Душе азартно...

*

Пирожные

Для тебя всё ищю я пирожных
И брожу по кафе придорожным.
Сладко-горькая встреча-разлука
Обернулась израненной мукой.

Сладко-горькая встреча-разлука
Обернулась израненной мукой.

Тенью – дворник, бесцветный носильщик...
Люди-призраки, ворон-могильщик.
Гулко-ёмкое эхо вокзала...
– Будем просто друзьями, – сказала.

Гулко-ёмкое эхо вокзала...
– Будем просто друзьями, – сказала.

– Бесконечно тебя уважаю, –
...В путь последний любовь провожая.
Ткнулась носом едва на прощанье,
Улыбнулась, в знак завещания.

Ткнулась носом едва на прощанье,
Улыбнулась, в знак завещания.

Вкус утраты острее и острее...
Я прошу тебя, время, бы-стре-е!
Дни и ночи, ну будьте короче...
В моей жизни поставили прочерк.

Дни и ночи, ну будьте короче...

В моей жизни
поставили
прочерк.
...

Для тебя всё ищущу я пирожных
И брожу по кафе придорожным...

*

Дорога жизни

Предожидание

Ирине Владимировне Дергачёвой

Поезд в час ночи
Тьму разорвёт,
Гул,
Стук колёс,
Отчаянье!
Вагоны, вагоны...
Землю з-знобит
Н-нервной дрожью
Нечаянной.

Гулкое эхо
Скрипуче фонит:
«Нумерация с головы...»
Тоска.
Посадку объявят,
И трескоток
Слух царапнёт
У виска.
Безлюдный перрон
Равнодушен,
Тих.
И я, предъявив билет,
Помедлив,
Навстречу судьбе своей,
Шагну
Через сонм
«нет».
Гулкое эхо
Скрипуче фонит:
«Нумерация с головы...»
Тоска.
Посадку объявят,
И трескоток
Слух царапнёт

У виска.
Слух царапнёт
У виска.
Слух царапнёт
У виска...

Поезд в час ночи
Тьму разорвёт,
Гул,
Стук колёс,
Отчаянье!
Вагоны, вагоны...
Землю з-нобит
Н-нервной дрожью
Нечаянной.

*

Рок скорости

Во сне бывает: бежишь-бежишь,
А сам... всё стоишь на месте.
В ступе водицу толчешь-сучишь –
Вчерашнее месишь тесто.

Рёвом Харлея разорвана ночь...
Вскорости! Вскорости!
Вежа за вехой уносятся прочь...
Скорости! Скорости!

Символы, знаки, видения –
Цветные порой бывают.
Громче всё сердца биение –
Мысль резко обжигает!..

Рёвом Харлея разорвана ночь...
Вскорости! Вскорости!

Веха за вехой уносятся прочь...
Скорости! Скорости!

Звёзды мерцают над головой.
У всех на руках – шанс один:
В подлунном мире ты – рядовой
Иль сказочный Аладдин.

Рёвом Харлея разорвана ночь...
Вскорости! Вскорости!
Веха за вехой уносятся прочь...
Скорости! Скорости!

*

За горизонт себя

Я посвятил эту песню Гандарову Асланбеку Хасановичу – майору полиции Ингушетии, который ЛИЧНО! обезвредил трёх подрывников-смертников. Очерк о нём в трилогии «Кавказ».

У меня нет чёрной зависти к людям выдающимся. От слова «совсем»... (Похоже, это – моё единственное положительное качество...) Всю жизнь я сохну, держу кулаки не за «пусть лучше у меня корова сдохнет, лишь бы...» Нет! Я всю жизнь бьюсь над тем, чтобы самому стать лучше... заглянуть за свой горизонт.

Много попыток оказались неудачными, а вот одна – успешной.

Мой положительный опыт может пригодиться людям думающим, творческим, неуспокоенным. Об этом в моём повествовании «Остров откровения» (дневник писателя)

Хлеба укрой, крупная соль,
Воды студеной глоток –
Познать чтоб земную юдоль,
Открыть свой земной исток.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Где земли непочатая суть,
Исполняя указанье перста,
За горизонт себя заглянуть.

Достичь свой предел вновь и вновь.
Пуускай вяжет спазм во рту,
Пуускай ноги сбиваются в кровь...
Нам крутизна – по нутру.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Где земли непочатая суть.
Исполняя указанье перста –
За горизонт себя заглянуть.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Все сомнения, страхи губя,
Идти, терпя нелюбовь,
Штурмуя вершину –
Себя!

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Все сомнения, страхи губя,
Идти, терпя, нелюбовь,
Штурмуя вершину –
Себя!

*

Лабиринты судьбы

Кто знает как поступить
И что ответить?
На чей порог не ступить –
Кого приветить?

Лабиринты судьбы
И кульбиты надежд...
Недоверье мольбы –
И зашоренность вежд...

Верный как найти выход?

Везде тупики...
Снова верх берёт лихо,
Чужие лики...

Лабиринты судьбы
И кульбиты надежд...
Недоверье мольбы –
И зашоренность вежд...

...

Где ты, спасительный луч?
Тьмы, где ты, конец?..
Не ждёт меня среди туч
Мой ангел-гонец...

Лабиринты судьбы,
И кульбиты надежд...

*

Сестра милосердия

Когда нестерпимо больно
И стало бессильным усердие
Я прошепчу невольно:
– Позовите сестру милосердия...

...

Медсестра, а проще сестричка –
На плече пригrelась косичка
Колокольчиком солнечный смех.
Её сердца хватало на всех.

Помню край бытия в больнице –
Бездна та ночами мне снится.
В одиночку со смертью страшно.
Веет холодом...

Веет холодом день вчерашний...

Когда нестерпимо больно
И стало бессильным усердие,
Я прошепчу невольно:
– Позовите сестру милосердия!..

В час ночной укрывая заботой
И души живительной нотой
Тихий ангел в халате белом
В бой со смертью...

В бой со смертью вступала смело.

...

И сегодня во сне невольно
Я зову сестру милосердия...

*

ДИКИЙ КОНЬ

«...Без палача и плахи / Поэту на земле не быть. / Нам покаянные рубахи, / Нам со свечой
идти и выть». Анна Ахматова

Видео (режиссёр Александр Костюнин): прямая ссылка на видео смотреть (формат mp4):
<https://youtu.be/nHq6iuUV1Lc>;

Как огонь
По сухой прошлогодней траве
Дикий конь
По истоптанной трижды судьбе

Проскакал,
Исчезая в далёкую даль.
И всё ржал,

Не желая развеять печаль.

Дикий конь,
Вороной масти или гнедой
От погонь
Я устал и стремлюсь на покой.

На покой...
Мне не нужно теперь ничего
Нам с тобой
Не делить уж пути одного...

Как огонь
По сухой прошлогодней траве
Дикий конь
По истоптанной трижды судьбе
Проскакал...

*

Грань одиночества

Геннадию Натальчуку

Балансирую жизнь на кромке,
Балансирую острой гранью:
Тишины деликатной томной
И клубка суматошной брани.

Всё вальсирую вокруг да около
Одиночества.
Окольцованным гордым соколом –
Тень пророчества.

И не скрипнут ступени радостно:
Приходи, в гости!
И не звякнут бокалы сладостно –

Родились тосты!

Нет нужды жить, особо скрываясь –
Получилось так...
Балансирую жизнь, не срываясь
Но, может, стоит сорваться?..
...

Балансирую жизнь на кромке,
Балансирую острой гранью.
Тишины деликатной томной
И неистовой... площадной... брани.

*

Колесница века

Антону Сергеевичу Лёгкому

Колесница века вдаль мчится –
Искры из-под колёс...
Едким облаком пыль клубится,
Ветер – в лицо, до слёз.

Скорость волнует и радует –
Только бы не покой!..
Сладу с собой никакого нет –
Весь извёлся тоской.

Ветер рвёт паруса... Я знаю
Гавань – не для меня.
Все мечты у причала тают.
Ждёт железо огня.

Ждёт железо в сталь превратиться –
Воронь синечерна.
Отчий дом – не булат – мне снится,

Снится мне Истина.

...

Колесница века вдаль мчится –
Искры из-под колёс...
Едким облаком пыль клубится,
Ветер – в лицо, до слёз.

Колесница века вдаль мчится.
Искры из-под копыт
Дом родной мне всё чаще снится –
Путь в небеса манит.

Дом родной мне всё чаще снится –
Путь в небеса манит.

*

Крест

Мы о Боге не слышали раньше
Не имели доступа к чуду.
Постоянно с державой на марше
И равнение – на Иуду.

Целовали не край хоругви,
Всё крестились на гипс облезлый.
Свято веруя красной букве,
Танцевали у края бездны.

Мы играли в футбол и прятки,
Собирали металл, бумажки...
Всё считали: с нас взятки – гладки!
Мы ведь маленькие букашки...

Упиваясь парадов смрадом,
Салютуя мумиям страстно,

Маршируя под текст неправды,
Ожидали любви напрасно.

...

Пусть счастливым больше не стану –
Поразвеело время дымку...
С четверенек, если я встану,
Пойду дальше... с крестом... в обнимку.

Мы о Боге не слышали раньше...

*

Катакомбы души

«...Нет власти не от Бога». (Послание к Римлянам святого апостола Павла: 13.1)

Молчаливый ответ – на острый вопрос.
Улыбка – на сумрачный взгляд.

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

«Невосторженный образ мыслей. Позор!
Пожётче быть нужно с таким...»

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Не стремись «народы пасти», без тебя
Всем тошно на этой земле.

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Без тебя наградит и накажет Бог.
Он с каждого спросит Сам.

И не даст никому подменить мочи...

А ты уж лучше молчи.

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

*

Комариная пора

О любви наших братьев меньших.

В тайге комариная пора:
Слепни, гнус, мошкара!
Покинь городской уют,
Тебя с нетерпением ждут.

Мозоли, пот, едкий дым –
За сутки стал друг седым.
Спеши, дурака не валяй!
Себя ждать не заставляй.

Ванну и душ забудь,
Болотом прокладывай путь!
Последний сухарь на всех.
Уже разбирает смех...
Меньшие братья твои –
На иголках хвои,
Гудят, песни поют,

На посошок пьют.

Ты для них – «Солнцедар»,
Цивилизаций нектар.
Другого такого нет –
Давай, не срывай банкет!

...

В тайге комариная пора:
Слепни, гнус, мошкара!
А дома такой уют!..
Только уже не ждут.

А дома такой уют.
Только уже... не ждут.

*

Кошка

Костюниной Александре Сергеевне

Кошка идёт по крыше
Грации нет краше...
Идёт по самому краю.
И никогда не лает.

Ловит мышей ночами,
Зорко сверкнув очами.
Ластится, чтоб погладил,
Если с детства повадил.

Му-уурлыкает славно-славно,
Только бы гладил плавно.
Нежно мурчит на ухо...
Нежно и томно-глухо.

Нет у неё изъянов.
Нет недостатков явных.
Но с кошкой видимся редко –
Я... собаку... беру... в разведку.
...

Кошка идёт по крыше
Грации нет краше...

*

Чётки

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

За узелком – узелок...

...

День за днём честно жизнь вспоминая,
Нерв оголил.
Память, врачуя, не льёт елей...
Хватит ли сил?

Вновь и вновь бередить забытую боль –
В раны, как соль!
Горь утрат ворошить и осколки грёз –
Тяжкая доля.

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

За узелком – узелок...

Ищет, куда увильнуть, сознание,
Рыщет душа.
Трудно склонить главу в покаянии,
Мрак вороша...

В зеркале вижу: стою на дуэли –
Жду приговор.
Вдруг кто-то зажёт свет в конце туннеля,
Как светофор...

*

ИНОХОДЬ

Сыну Леониду

Я люблю рефлексировать, копаться в себе, сомневаться... Но эта песня о другом.
Решение принято, нужно собрать остатки сил и продолжить движение к цели. Джозеф Конрад завещал «Делай или умри».
Но как мобилизовать себя, как укрепить дух?
Вячеслав Сакания из Абхазии мне рассказывал: «Когда в грузинском плену, в застенках, под пытками становилось невыносимо трудно, пели хоралом «Песню гор» Ахроша. В ней жизнь, боль, радость, мужество народа. Для абхазов это гимн, зов предков, поднимающий боевой дух воинов, нагоняющий страх на врага... Мощная энергетика идёт от этой народной, энергетической песни». (Подробно на авторском сайте в книге Александра Костюнина «Кавказ: хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию и Чечню»).
Чеченцы перед боем исполняют зикр – боевой общинный хоровод, составляющую часть исламского молитвенного обряда. Сакральный смысл: протуберанцы на кромке Солнца.
В СССР в 1941 году с этой же целью появилась «Священная война» – животворное чудо, песнь-воззвание.

Человеку приходится преодолевать трудности и в мирное время... Например, в походе. Вместе с Александром Богдановым мы написали энергетическую песню «Иноходь». Песня прямолинейная. Нюни, рассусоливание, студень – остались в прошлом. Эта песня, когда сил уже не осталось, помогает вновь подняться и идти к цели. Проверено не раз!.. Советую.

Александр Костюнин

Слева – обрыв, справа – обрыв!
Тропа, над бездной, вела,
Где облака, вершины укрыв,
Таят гнездовье орла.

Мало туда кто решится, пойдёт,
Порвав с привычным житьём.
И голос вкрадчивый песнь поёт,
Назвавшийся Разумом:

– Поверь, не стоит дальше идти,
Зачем быть выше болот?
Нормальным людям это претит,
А ты тянешь пустой лот.

Он веские доводы приводил,
Просил: «Не смейся хоть!..»
Всю душу тревогами избередел,
Треножа мою иноходь.

Против сладких речей восстань
И, рванув, одолей боль.
Человеком достойным стань –
Расти над отметкой «ноль»!

...

Но против сладких речей восстань
И, рванув, одолей боль.
Человеком достойным стань –
Расти над отметкой «ноль»!

*

Кавказ

Мугутдину Абдулманафовичу Кахриманову

Лермонтов, Толстой, Пушкин и т.д. с упоением писали о Кавказе, вдохновлялись им. Я числюсь в “т.д.” Ранее написана трилогия “Кавказ: хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию и Чечню”, которой несказанно горжусь, а теперь вот песня: “Горный аул. Облака под ногами / Катятся, плавно катятся...” – в селении Куруш как раз это и видел! Встречайте! “Кавказ” (лезгинка)...

Александр Костюнин;

Горный аул – облака под ногами катятся, катятся
плавно...
Дивный Кавказ!.. Кто хоть раз побывал тут, знает
как это славно.

Гостеприимство и мудрый сказ –
Это всё ты, Кавказ.
Горы, воздух и солнца запас –
Это всё ты, Кавказ.

Асса!

...

Папаха, черкеска, кинжал на боку –
Не по ним узнают джигита.
Без чести и доблести горцем не стать...
Душа нараспашку открыта!

Гостеприимство и мудрый сказ –
Это всё ты, Кавказ.
Горы, воздух и солнца запас –
Это всё ты, Кавказ.

...

Перевалы, ущелья – суровый край.
 Накрывать можно буркой землю...
 Но Кавказ ближе к Небу и это – рай,
 Где царствуют вольные птицы.

Гостеприимство и мудрый сказ –
 Это всё ты, Кавказ.
 Горы, воздух и солнца запас –
 Это всё ты, Кавказ.

...

Гостеприимство и мудрый сказ –
 Это всё ты, Кавказ.
 Горы, воздух и солнца запас –
 Это всё ты, Кавказ.

...

Горный аул – облака под ногами катятся, катятся
 плавно...
 Дивный Кавказ!.. Кто хоть раз побывал здесь,
 знает как это славно.

*

Гитара

Есть основные продукты, которые пытаются улучшить, – только портить.

Ломать ржаного хлеба с крупной солью, облепи его кремовыми розочками – и пирожным не станет, и естественный вкус утратит. Раскрасили чёрно-белые filmy... (Ручонки шаловливые!..) Когда я увидел сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» – ззз-заикаться стал... Это как Родине-матери на Мамаевом кургане поддурманивать щёчки и вульгарно-алой помадой подвести губки.

Здесь требуется сделать отступление: хорошо помню, как в 70-е годы в Советском Союзе по деревням ходили кустари-фотографы, предлагали сделать чёрно-белые фотографии цветными, с помощью анилиновых красок. (Похоже, это их дети сейчас раскрашивают filmy). Заходили и к нам... Бабушка отказалась. Моя безграмотная бабушка обладала безупречным вкусом.

Песни «Атланты», «Охота на волков», «Канатоходец» – хороши своей неприланностью, рубленой правдой. Не нужны им искусственные украшения. Силикон, ботокс, макияж без надобности.

Давно хочу выразить уважение гитаре – нашей боевой подруге в битве Добра со Злом, истинно народному музыкальному инструменту. Музыкальному инструменту самодостаточному.

Александр Костюнин

Свои законы диктует время,
Но как прежде – гитара в строю.
Смерти подобно выпустить стремя...
Нам гитара важна в бою!

Существуют законы жанра:
Не место в окопах фраку,
А в штыковой – Мэрилин Монро,
И с роялем не ходят в атаку.

Оркестровку песен Высоцкого
Мы терпим, рукоплеща.
Всё это – влияние Труссоцкого
И боязнь заработать «леща».

Существуют законы жанра:
Не место в окопах фраку,
А в штыковой – Мэрилин Монро,
И с роялем не ходят в атаку.
...

Свои законы диктует время,
Но как прежде – гитара в строю.
Смерти подобно выпустить стремя –
Нам гитара важна в бою!

Нам гитара важна в бою!

Нам гитара... важна... в бою!

*

До свиданья, школа!

Юность, мир сладостных наивных грёз, первые романтические чувства... Школа, до свиданья! До скорого свидания. Время от времени, родная школа, мы возвращаемся к тебе. Возвращаемся, перелистывая в памяти страницы календаря...

До свиданья! До свиданья! До свиданья, школа!
Трёхэтажный храм науки в блике ореола –
Не увидимся мы больше. С детством нить всё тоньше...
Колокольчик выпускной, звони-звони позвонче!

Не увидимся мы больше. С детством нить всё тоньше...
Колокольчик выпускной, звони-звони позвонче!
...

На урок гурьбой спешим, всех в классе ждёт учитель:
Про галактики и звёзды, корень и числитель,
Что такое «хорошо» – расскажет откровенно.
Сам не знаю, почему так ждал я перемены...

Всё впервые, всё – открытье! Первая влюблённость...
Я ловил руки касанье с сердцем затаённым.
Её видеть – одно это – время золотило.
Не хватило смелости признаться... не хватило.
...

До свиданья! До свиданья! До свиданья, школа!
Трёхэтажный храм науки в блике ореола –
Не увидимся мы больше. С детством нить всё тоньше...
Колокольчик выпускной, звони-звони позвонче!

Не увидимся мы больше. С детством нить всё тоньше...

*

Переходный возраст

Птицы райские

Повсюду ни мир – грызня,
Не святая любовь – возня.
Вместо полёта – темницы,
Вместо дружбы – границы.
Вместо хлеба – полынь,
А крест, говорят, кинь!

Птицы чёрные, птицы белые
Ничего дурного не сделали.
Птицы белые, птицы чёрные,
Может, даже слишком покорные.

Воронья вертеп клубится,
Лебедь белая мне снится.
Колокольный звон, образа –
С верой в небо прикрой глаза.
Мы на вас, вожди, не злимся...
Не пристало райским птицам!

Птицы чёрные, птицы белые
Ничего дурного не сделали.
Птицы белые, птицы чёрные,
Может, даже слишком покорные.

Птицы чёрные, птицы белые
Ничего дурного не сделали.
Птицы белые, птицы чёрные,
Может, даже слишком покорные.

*

Маугли

Жить в ином измерении –

Не повидло с вареньем...
Ноги – вверх, а вниз – голову,
Как железом – по олову.

Держась за сигаретки,
Спешат малолетки.
Спешат навстречу
Неравной сечи.

Мечты – волнорезом,
Как «тату с ирокезом»!
Чуть что – «протокол»
И светлячка – на болт.

Держась за сигаретки,
Спешат малолетки.
Спешат навстречу
Неравной сечи.

Кругом одни волки.
Кислотою – наколки.
Душу – на угли!
Трудно быть Маугли...

Душу – на угли!
Трудно быть Маугли...

Держась за сигаретки,
Спешат малолетки.
Спешат навстречу
Неравной сечи.

*

Часы без кукушки

Солнце светит скользящим взглядом,

Год от года лето в миноре.
Друзья не в обнимку рядом –
Контактами в мониторе.

Искусственно всё, невселенно...
Веры поиски – внутривенно.

Часы теперь стали другие –
Сердца неживые, не бьются.
Цифры публично-нагие:
Гримасничают и смеются.

Искусственно всё, невселенно...
Счастья тень – внутривенно.

В часах нет приюта кукушке –
Гнездо родовое разрушено.
Как на запойной пирушке
Яблоко кем-то надкушено.

Искусственно всё, невселенно...
Рая призраки – внутривенно.

Искусственно всё, невселенно...
Рая призраки – внутривенно.

*

Дождинка

Я, похоже, влюбился в девчонку.
Я, похоже, влюбился сильно...
Паутинкой незримой тонкою
Нас связала весна взаимно.

Я, похоже, влюбился в девчонку...

Разделилась жизнь «до» и «после»...
 Отрешённый хожу по дому.
 Представляю ярко: с ней возле.
 И на мир гляжу по-иному.
 Расстояние – не помеха.
 Испытание, может, только.
 На пути – дорожная веха.
 Мы не будем считать их сколько...

Я таким, как прежде не буду
 Отыскал свою половинку
 Я искал её всюду-всюду!
 Иссохшим губам – дождинку...

Я, похоже, влюбился в девчонку.
 Я, похоже, влюбился сильно...
 Паутинкой незримой тонкою
 Нас связала весна взаимно.

Я, похоже, влюбился в девчонку.
 Я, похоже, влюбился сильно...
 Паутинкой незримой тонкою
 Нас связала весна взаимно.

Я, похоже, влюбился в девчонку...

*

Школьная любовь

Произнесите мысленно «школьная любовь» – и по душе заструится пощипывающим током... сладкое тепло. Вот и сейчас...

Мелок школьный тихо крошится.
 Строчка – первым чувством ложится.
 В ожидании класс и теперь,
 Но... за нами закрылась та дверь.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и снова пою.
Платье – строгое, фартук – белый,
Кончик пальца запачкан мелом.
Ты подходишь в раздумье к крыльцу –
Тебе школьная форма к лицу.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и снова пою.

В расписании стоит «классный час».
Кто-то с майским жуком пришёл в класс.
Зайчик солнечный: с карты – на дверь.
Я тебя не забуду, поверь!

Мелок школьный тихо крошится.
Строчка – первым чувством ложится.
В ожидании класс и теперь,
Но... за нами закрылась та дверь.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и снова пою.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и от счастья пою.

*

Говорю с тобой

Заглянул себе в самое сердце –
Ты мне нравишься очень-очень.
Может, к счастью открылась дверца?..
Говорю с тобой днём и ночьюю.

Говорю с тобой днём и ночьюю...

Говорю с тобой – жду ответа.
Говорю о самом-о самом!..
Натыкаюсь на боль без света,
Всё созвучья ищю – не гама.

Всё созвучья ищю – не гама...

Размечтался о солнце близком –
Пусть согреет лучами жарко.
О полётах, чтоб ввысь и низко,
Чтоб огонь сердец – без огарка.

Заглянул я в самое сердце –
Ты мне нравишься очень-очень.
Может, к счастью открылась дверца?..
Говорю с тобой днём и ночьюю.

Говорю с тобой – нет от-ве-га...

*

Алые паруса

На листьях жасмина блестела роса,
Тянул с моря свежий бриз.
И вдруг, наяву, как заря, паруса! –
Мечтаний яркий каприз...

Алые паруса, алые паруса –
Солнцем звенят голоса.
Алые паруса, алые паруса –
Добрых сердец чудеса.

На мачтах – пылает до неба пожар...
Наверх команду свистать!
И чайки лишь парами в небе кружат
Давайте об этом мечтать...

Алые паруса, алые паруса –
Солнцем звенят голоса.
Алые паруса, алые паруса –
Добрых сердец чудеса.

Корабль белоснежный, разрезав волну,
Взял курс на страну любви.
Ассоль с Грэм судьбы сплетали в одну...
Влюблённых благослови.

Алые паруса, алые паруса –
Солнцем звенят голоса.
Алые паруса, алые паруса –
Изу-у-умлённые не-бе-са...

*

Поморский цикл

Вальс Белого моря

Мы сидели вдвоём на крылечке,
Вспоминали минувшие дни.
Похмельные, в седом колечке,
Чуть оторванные... от земли.

Бело морюшко разомлело,
Нежно ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писанные образа.

Бело морюшко разомлело,
Ах, как ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писанные образа.

Волны сладко о чём-то шепчут,
Бирюзовую даль золотя.
И, волнуясь, бегут навстречу,
В час разлуки невольно грустя.

Бело морюшко разомлело,
Нежно ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писанные образа.

Бело морюшко разомлело,
Ах, как ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писанные образа.

*

Старый карбас

Сергею Степановичу Лёгкому

Старый карбас осиной пророс –
Всему приходит конец.
В небе, прощаясь, парит альбатрос –
Морских просторов венец.

Не для меня теперь фарт и соль
На гребне волны седой.
В команде достойно сыграна роль,
Пришла пора на покой.

В смолёные карбасы рыбаки,
Свежий ветер браня,
Грузят на пирсе мерёжи, бачки –
Жизнь идёт без меня.

На берегу, заглушая прибой,
Смакуя фраз шелуху,
Земные люди их ждут толпой –
Путина лишь на слуху.

А им по нраву баллы штормов,
По сердцу – девятый вал.
Гордо несут они чин Адамов –
Первенца Бог так назвал.

Старый карбас осиной пророс,
Началом станет конец.
Пусть также в небе парит альбатрос –
Морских просторов венец.

Старый карбас осиной пророс,
Началом станет конец.
Пусть также в небе парит альбатрос –
Морских просторов венец.

Пусть также в небе парит альбатрос –
Морских просторов венец.

*

Избы поморов

Избы поморов, избы поморов –
Братья православных соборов.
Сколь вами сложено песен у моря,
Сколько видели радости-горя...

Стылая печь, закопчённые двери,
Чёрные стены, в углу образок.
Стали моим вы приютом веры
В этом бушующем мире несказок.

Стали моим вы приютом веры
В этом бушующем мире несказок.

Белого моря старцы седые –
Око апостолов и вещей снов.
Как избежать беды научили.
Избы поморов, вы – духа кров.

В сердце своём принёс уголёк вам...
Гулом радостным ободрите.
Печь затоплю – ответьте напевом,
Лишь, родные мои, не молчите!..

Печь затоплю – ответьте напевом,
Лишь, родные мои, не молчите!..
Избы поморов, избы поморов –
Братья православных соборов.
Сколь вами сложено песен у моря,
Сколько видели радости-горя...

Избы поморов, избы поморов –
Братья православных соборов.
Сколь вами сложено песен у моря,

Сколько видели радости-горя...
Приняли боли.

*

Полста

Полста

Полста –
Это наши родители:
Неотложка, грелка, лекарства.
Долг.

Полста –
Это детство, летящее в детство:
Войнушка, машинки, женская грудь.
Фантазии.

Полста –
Умеренность в пище, выпивке
И любых изменениях.
Консерватизм.

Полста –
Это внуки, не дай Бог – в дедушку!
Надеюсь, будут умней!
Вера.

Полста –
Это почти автономность
Вкусов, мыслей и дел.
Одиночество.

Полста –
Это женщины! Их согласие
пугает больше отказа.
Монашество.

Полста –
Уже виден конец пути.

Полста –
Это путь долгожданный
Домой...

Полста.

*

Звание «Дед»

Русская колыбельная

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...
Дари-дари-да!..

Деда Саша –
Горелая каша.
Внуки с дедом –
Прощайся с обедом!..

Ой!..

Дед за «компом» –
Не видать компот.
Он с машиной...
Хотим к маме милой!..

Ой!..

Дед – на час,
В год один раз!
Такой у нас дед –
Полста уж ему в обед...

Ой!..

Деда Саша –
Одна другой краше
Все его сказки.
Засыпают глазки...

Ой!..

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...
Дари-дари-да!..

Дед хороший иль плохой –
Судить не спеши, постой!
Каким надо деду быть –
Успели все... позабыть.

Дед хороший иль плохой –
Судить не спеши, постой!
Прежде дедов не знали –
Раньше их... убивали.

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...
Дари-дари-да!..

Дари-дари-да!..
Дари-дари-да!..

*

Мама

Маме – Костюниной Ольге Андреевне

Не всё рассказал, что хотел тебе, мама.
Жалко...
Ты ночами мне снишься, а вечером есть
«Алко».

«Распрошу, не беда...» – всё думал, успею
Завтра.
Но теперь и всегда не ты мне готовишь
Завтрак.

Лишь знаю одно: бывает и двигатель
Вечным!
Ни за что мы с тобой не двинемся курсом
Встречным.

Ярко лгут-привирают вещатели все,
Сочно.
Вопрошаю тебя – совет получаю
Точный.

Жаль, прилягу когда, никто не укроет
Пледом.
Утешает одно, что я за тобою –
Следом.

Утешает одно, что я за тобою –
Следом...

*

Сыну

«Строки писателя – единственная возможность сыну узнать о любви отца к себе».
Александр Костюнин

Слова: Александр Костюнин и Кирилл Гуреев

Трудно к сыну таить любовь,
Чувств скрывая безбрежность.
Трудно сдерживать вновь и вновь
Позднюю папину нежность.
Трудно не подставить плечо

Преодолимой преграде,
С ходу не подхватить, смычком
Звонкую песню-отраду.

Знаешь, сын, ты – надежда моя!
Сын – продолжение рода.
Сын – ёлочная хвоя,
В день мой последний ухода.

Хмурый демонстрировать нрав –
Мне предписали законы.
Да я, порой, бывал и неправ...
Но стихли шальные волны!..

В этой жизни ты теперь – капитан.
Дай же мне руку у трапа!
И нет для меня важнее наград,
Чтоб ты называл меня «папа»...

Знаешь, сын, ты – надежда моя!
Сын – продолжение рода.
Сын – ёлочная хвоя,
В день мой последний ухода...

Знаешь, сын, ты – надежда моя!
Сын – продолжение рода.
Сын – ёлочная хвоя,
В день мой последний...

*

Весна

Капли капают с крыш.
Что ты не спишь, малыш?
Спутала день и ночь
Повзрослевшая дочь.

В саду снеговик грустит,
Наст под ногой хрустит,
Скоро взорвутся ручьи.
Письма читаешь... чьи?

Верба волнует кровь...
Говорят, нельзя про «любовь».
Ночка прошла без сна –
Это пришла весна.

Словно в сказке про фей,
Снег последний с ветвей
Слетел пыльцой золотой –
Невесте ажурной фатой.

Словно в сказке про фей,
Снег последний с ветвей
Слетел пыльцой золотой –
Невесте ажурной фатой.

Но капли капают с крыш.
Что ты не спишь, малыш?
Спутала день и ночь
Моя повзрослевшая дочь.

*

Желание

Хорошо, когда есть желание,
Пусть совсем неисполнимое.
Та весточка – Богу послание:
Завязь жизни, завязь жизни, завязь жизни...

Хорошо, когда есть желание,
Пусть совсем неисполнимое.
Та весточка – Богу послание:

Завязь жизни, завязь жизни... Ранимая.

Возжелать важней, чем дыхание.
Время найдётся и силы.
Мечта факела – полыхание!
Огню порыв воздуха мил.

Желание – сила великая!
Страсть тянет вверх... или вниз.
Человецы суть многолика:
За душу твою любой исполнят каприз.

Камелька души затухание –
Больше не надо маяться...
Когда умирает желание,
Жизнь тогда и кончается.

Хо-ро-шо, когда есть желание...
Та весточка – Богу послание:
Завязь жизни, завязь жизни...
Хо-ро-шо, что у нас есть желание,
Пусть совсем неисполнимое.
Та весточка – Богу послание:
Завязь жизни, завязь жизни, завязь жизни,
Завязь жизни, завязь жизни, завязь жизни,

*

Витаминки счастья

Тата-тата-тата
Тата-тата-тата
Тата-тата-тата
Тата-тата

Закатного солнца лучики,
Крохи-птенчики неокрепшие,

Средство от время бегучего,
Друзья мои самые лепшие...

Внуки-внучата и внученьки:
Смех задорный и снежная пыль!
Дышу вам на малы рученьки:
И не верю, что всё это – былъ.

Тита-тита-татита
Тита-тита-татита
Тита-тита-татита
Тита-тита

Закатного солнца лучики,
Крохи-птенчики неокрепшие,
Средство от время бегучего,
Друзья мои самые лепшие...

Флаг над крепостью снежной вѣтся –
В жизни ждѣт вас немало преград...
Высота отважным сдаѣтся!
Будь любим испытаниям рад.

Внуки, вы – наши успехи!
С вами тепло в ненастье.
Внуки – для сердца утеха
И витаминки счастья!..

Внуки, вы – наши успехи!
С вами тепло в ненастье.
Внуки – для сердца утеха
И витаминки... счастья!

Тита-тита-татита
Тита-тита-татита
Тита-тита-татита
Тита-тита

Тита-тита-татита
Тита-тита-татита

Тига-гига-татита
Тига-гига

*

Иное измерение

МОЛИТВА

Надежде Николаевне Санаковой

Занозила душу тоска,
Растерял себя, расплескал.
Сколько мог, оболочку таскал
И проповедью полоскал.

Люди – сила, но пробил час:
Только сам себе можешь помочь.
Есть Он – нет больше «нас».
Пуповину сгрызи прочь!

В тиши, где скит-голодай,
Где сойдёт мишуры линь,
Смиренной молитвой взывай
Богоносных небес синь.

И верую: нет одиночества!
Ужавшись до слова, до мысли,
Несмотря на неверья-пророчества,
Перейти за границу смысла.

За черту повседневных суждений
И ширму знаний объятных,
Где живут не фантомы видений...
И всех ушедших – в объятья!

Люди – сила, но пробил час:
Только сам себе можешь помочь.
Есть Он – и нет больше «нас».
Пуповину сгрызи прочь!

*

Реанимация

Послесмертье – час расплаты!
Длинный список дел-делишек,
И на всё есть свой свидетель,
Их порою даже с лишком...

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:
Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Вердикт, последнее слово,
Не дано нам узнать заранее.
Лучше б в рай, а ну как снова...
На Землю – в ад! в наказание...

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:
Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Покров полусмерти гнетёт...
Задыхаюсь уже без света!!!
Подглядеть, списать не дают –
В задачнике нет ответа.

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:
Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:

Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

*

Третий день

Причеть

Вчера схоронили тестя. В тесном деревенском доме полно народу, ночевали кто где. На кровать усопшего лёг старший сын. Утром, растерянный, он сбивчиво пересказывал кошмарный сон. И теперь уж никто не соглашался коротать ночь на смертном одре. Вызвался я... (С батей, так его величал, жили душа в душу.) К тому же я заметил: в поисках творчества важно идти туда, где нет очередей. Где другим «негламурно» либо страшно... Это знак: все – оттуда, мне – туда. Нужно быть открытым к таинству... А ночью явились строки. Много позже узнал, что это «заплачка» и «обидные стихи» – части похоронных причитаний – особого поэтического жанра народного творчества, веками именуемого на Руси «причеть». «Причеть» и «плачи» начинались и когда готовили девушку к замужеству. Приглашали для этого профессиональных плакальщиц, которые знали слова, мотивы, ритуал. Плакальщица, плакуха, плачея, вопленица, вытьянка, вытьница, волковая – как бы волком воет. Но зачем же плакать перед свадьбой? Это связано с сильной верой в действенность слова. Магические слова не просто проговаривались, в них были и слёзы, и горестные причитания, они сопровождались особыми движениями. Люди верили, что правильным голошением можно отвести беду. Оплакивали невесту, выпевая её горе перед свадьбой на девешнике, иначе счастья не видать. «Не повоешь за столом, навоеешь за столбом»: «за столом», значит у себя дома; в новой семье она не хозяйка, кто ей позволит выть при людях – только убежав с глаз, за ворота, за столбом можно отвести душу. Приглашали плакальщиц поголосить и на солдатские проводы, и на похороны. Итак, причеть «Третий день».

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

За гармошкой
Не послал мя тесть –
Ведь не пахану
Полю как зацвесть.

Поле тучное

Не ухожено,
На потерянных
Детей брошено.

Лампочка висит
Чуть горит огнём.
Всё бы хорошо –
Да нет хозяина.

Помер тесть родной
Пётр Степанович.
Водку пьёт родня,
Пригубляю я.

Но не заглушить
Вопы горькостью,
Не замельтешить
Другоновостью.

Сорняки – под плуг!..
Нескоромная
Пусть родит земля,
Аль бездомная?

Лампочка висит,
Тускло свет горит.
Всё бы хорошо –
Да нет хозяина.

Помер тесть родной
Пётр Степанович.
Водку пьёт родня,
Пригубляю я.

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

Все мы одна
Дети замети.
Ветки хвойные –

Меткой памяти.

Рады, ежели горь
У ворот чужих,
Да вот только соль
На висках своих.

И покуда весть
К нам летит стрелой,
Божий теплит день
Свечкой неземной.

Кабы только мог,
Не дал бы свою
Белую снежинку
Обернуть в хвою.

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

Сей гам – судный день
Кошкою котит.
Чёрной кошкою
Неживых котят...

Сны стоят кугой –
Бабой крупною,
Бабою страшною,
Непускаемой.

Глаз боюсь отвести,
Слушно вверх веду...
Ничегошеньки
Не говорят мне.

Ты, отец родной,
Дай хоть знак земной:
Как тебе без нас,
Чем вспомочь сей час?

Немота – в ответ,
Всё тихохонько.
Гостью лишь сова
Глазам хлопает.

Серой пеленой
Солнца день застил,
И слеза кипит
Горьким варевом.

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Помер тесть родной,
Пётр Степанович.

*

Корни

Душенька – гостья у чрева,
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт, лишь врасстая в небо...

«С каждым шагом всё дальше от Бога!» –
Знамённо в юности я мечтал,
Уходя от родного порога,
Верстовые столбы не считал.

Горько бывало. Бывало больно.
Советы все помня папины –
Мне в трудностях становилось вольно.
Я шёл и шёл – ни царапины!

Может, не прав! Наверно, от лени...

Шёл я, решив не сворачивать.
Вдруг уткнулся к Нему в колени...
«Дома...» – изрёк озадачено.

Душенька – гостя у чрева.
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт лишь вращая в небо...

Душенька – гостя у чрева.
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт, лишь вращая в небо...

*

ДОМИНО

Марахтанову Алексею Георгиевичу

Всё хрупко в мире земном.
Непрочно.
Шаг ступишь – хлад и темно.
Бессрочно.

Живём лишь миг не земле –
Не вечно.
Рулетку крутим свою
Беспечно...
Рулетку крутим свою...
Беспечно.

Стоят доминушки в ряд
Смирно,
Пока течёт наша жизнь
Мирно.

А лишь задень – полетят
Клочья!
И песнь тогда запоём
Волчью.

Про то, как нам хорошо
Было.
О том, что всё навсегда
Сплыло.

Живём лишь миг не земле –
Не вечно.
Рулетку крутим свою
Беспечно...

Всё хрупко в мире земном.
Непрочно.
Шаг ступишь – хлад и темно.
Бессрочно.

Всё хрупко в мире земном.
Непрочно.
Шаг ступишь – хлад и темно.
Бессрочно.

Всё хрупко в мире земном.
Всё хрупко в мире земном.
Всё хрупко в мире земном.

*

Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!

Ворчат костяшки на старых счётах:
Щёлк-щёлк!

Падений кредит и дебет взлётов:
Щёлк-щёлк!

У ревизора – пенсне-стекляшки...
Щёлк-щёлк!
Интересуют его бумажки.
Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!

Седой инспектор – старик-придира
Всё подмечает.
Что не понятно, в строке пунктиром
Он отмечает.

Добра-злодейства растрату-прибыль –
Не скроют мифы!
И правду ту, что боится небыль –
Откроют цифры.

Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!

Сухие факты и быль-реальность
Идут в активы.
И как ни странно, почти банальность, –
Мои мотивы.

Мои – не чьи-то! Артели сводки
В зачёт не примут.
Не откупиться деньгами, водкой –
Всё мимо, мимо...

Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!

Ворчат костяшки на старых счётах:

«Щёлк-щёлк!»
Падений кредит и дебет взлётов:
«Щёлк-щёлк!»

У ревизора – пенсне-стекляшки...
Щёлк-щёлк!
Найдёт приписки – не жди поблажки!
Щёлк-щёлк!

Найдёт приписки – не жди поблажки!
Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!

*

Солнечные города

композитору Кириллу Гурееву

Жизнь течёт хлебосольно –
Радостных дней череда.
Здесь расцветают вольно
Сол-неч-ные го-ро-да.

Подлости вы не ждёте,
Злу «быковать» не дано.
Всюду добро в почёте –
Со звёз-да-ми за-од-но.

Здесь так легко – не душно! –
Нету запрета дышать.
И никогда заушно
Не бу-дут вас сво-рой рвать.

Здесь всё вокруг славное –

Заново стал молодым!
Жизнь бьёт ключом и главное!..
Не гаеч-ным раз-вод-ным.

Дружба царит вечная –
Не с кем сражаться мечом!
– Выходим! конечная... –
Кто-то тря-сёт за пле-чо.
...

В миры, где не так больно,
Уйти хочу навсегда.
Где расцветают вольно
Счастливые города.

Как я хочу туда!..
Как я хочу туда!..
Как хочу я туда...

*

Мыльные пузырьки

Фиолетово-радостные
Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

Фиолетово-радостные
Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

Ниоткуда приходят, чтоб уйти в никуда,
Никогда не мрачнеют, хоть повсюду беда,
Красотули воздушные.
Пузырёчки бездушные...

Вы похожи на нас скоротечностью жизни...
Полнобуйтесь в итоге: бесследные брызги!
Пустоты изумлённой всплеск.
Утомил неоновый блеск.

Фиолетово-радостные
Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

Фиолетово-радостные
Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

*

Знамя с ликом Его

Ты до конца слагай свои руны.
Музыка греет, нежно дыша...
Пальцы черствеют, ложась на струны,
Но ранимой должна быть душа.

И продолжая игру до конца,
Как ни в чём ни бывало – пой!
Чтоб загорелся светляк в оконце
И ёкнуло сердце – «свой».
Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –

Свет в этой жизни открой.

Пусть будут тебя хулить и терзать,
А всё ж подпевай скворцу.
И сам продолжай молитвой взывать...
Взывай!.. Всё взывай к Творцу!

Пусть с небес – железо и пламя...
Стой за истину в тебе
И подними с Его ликом знамя –
Собой подбодри небо.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

*

Ремейк

Видео (режиссёр Александр Костюнин): «Ремейк» Пластилиновая притча
<https://youtu.be/RayBxwP2RdA>;

Я –
Мира
Гражданин!

О малой родине,
увы,
Теперь немодно вспоминать
И за-являть

причастность к ней
 пуб-ли-чно...
 А уж тем паче
 не-э-тич-но
 Свою в ней кровность
 Под-ме-чать.

Пря-му-ю кровность
 Подмечать.

Да видно, по всему, идёт народ
 Земли
 Из го-да в год
 Идёт к чему-то сред-не-му:
 Безликому послед-не-му...
 В смятенье хочется сказать, что не «идёт»,
 А... «и-ди-от!»

Куд-куда-куда-то...

Не сладок, кажется,
 Тот даже не коктейль,
 А взвесь
 Не-сов-мес-тим-ых прежде
 Гре-диентов.
 Однако кушать – просят всех!
 И то –
 не наш каприз!

Совсем не наш каприз...

Гля-ди-те за морем,
 Где правил Ку-клуks-клан,
 Пов-тор-но вы-зы-ва-ется – на бис! –
 И вер-хо-во-дит
 всеми «загорелый».
 Границы неизбывные сти-ра-ют
 Пов-сю-ду-всю-ду
 дружно на земле,
 Во всех, во всех, во всех её

Преде-лах.
Так скоро я по цвету отличусь
На родине своей.
Едва ли
дело...

Похоже, языки,
окрас
и вера,
Свалились со стремян-ки
Ва-вилонской,
Стираясь в пыль в дни оны до поры -
Срастают вновь!
В один скипают сплав,
Собой, помимо воли,
образуя
Не столп – клубок!
Клубок Богославленья...

И крутит Режиссёр кино назад
Себе в потеху,
Нам – на изумленье.

*

В храме лесном

Белая ночь, мир отдалив,
Тайну незримую сердцу откроет.
Мысли и сны поровну поделив,
Душу томимую светом омоет.

В храме лесном царит полумрак,
Лишь кадит головня да чернеет овраг.
Тенью по небу скользила сова
Облекая мистически в знаки-слова
Волю Вселенной, силу небесную...

Всё принимая – я не бесную.
Сердцем читая судьбы откровение,
Крестным себя осеня знамением,
Я причастился малиною благостно.
Стихонезнаучто обняло радостно...
Ель, окропив водой пресвятою,
Благословила вестью златою.

Белая ночь, мир отдалив,
Тайну незримую сердцу откроет.
Мысли и сны поровну поделив,
Душу томимую светом омоет.

*

Точка души

Потерять равновесие жизни вновь –
Накладка.
На грани нежности-ненависти любовь –
Загадка.

Предвосхищает сияние утра
Точка росы.
Горе и радость срастутся с тобой
Точкой слезы.
Станет молитвой слов мишура
В точке души.

Струна – не струна, коль не готова рваться –
Проволока.
Жизнь ценишь, когда с ней торопят расстаться
С облака...

Предвосхищает сияние утра
Точка росы.
Горе и радость срастутся с тобой

Точкой слезы.
Станет молитвой слов мишура
В точке души.

Предвосхищает сияние утра
Точка росы.
Горе и радость срастутся с тобой
Точкой слезы.
Станет молитвой слов мишура
В точке души.

Станет молитвой слов мишура
В точке души.

*

Ожидание

Тыр-тыр-тыр – строчит машинка –
Шью я доче распашонки.
Тук-тук-тук – идёт разминка! –
Во мне топают ножонки...

Тук-тук-тук – идёт разминка –
Во мне топают ножонки...

Жду тебя на свет давно я жду и жадно.
Ты явись-явись сюда, цветочек алый.
Зацелую я тебя, дочуля, ладно?
Проблеск ты надежды, счастья... проблеск малый.

Поведу тебя в наш сад, где пахнет вишней,
В самый дальний уголок густого сада.
Мы с тобою песню сложим, доча, слышишь?
Ты одна для мамы счастье и отрада.

Тыр-тыр-тыр – строчит машинка...

Тыр-тыр-тыр – строчит машинка...

И не будет на двоих у нас секретов,
Ты подружкой станешь мне, не знаю ближе.
Мы пургу любую выдержим под ветром,
Мы, как бусинки, все радости нанижем.

Без тебя мне светит солнце... Что в нём проку?
Без тебя мне дни – не в радость... Нет, не в
радость.
Жду тебя и ставлю свечки. Жду ко сроку.
Жду тебя, скорее жду... нет сил дождаться.

Тыр-тыр-тыр – строчит машинка –
Шью я доче распашонки.
Тук-тук-тук – идёт разминка –
Во мне топают ножонки...

Тук-тук-тук – идёт разминка –
Во мне топают ножонки...

*

Страна «Детство»

Бабушка

Бабе Шуре

С бабушками мне в детстве повезло – у меня был полный комплект: две бабули. Я вырос, согреваемый их теплом и любовью. Любовью, до самоотречения!

Спицы мелькают остро,
Кошка мурлычет сочно.
Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.
Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.

Гляди на меня, бабуля,
Гляди, как прыгаю ловко!
Я у тебя – не грязнуля,
Я – не такая, как Вовка!

Бабушка спинку погладит –
Ни капельки спать не хочет!
Гладит до самой услады –
Утром на кухне хлопочет.

Исчезли радуги краски –
На небо я долго дулась...
До слёз захотелось ласки –
Я ей в передник уткнулась...

Дети – родителям бремя!..
Всех одолела рутина.
Для нас у бабули есть время
Без всякого карантина.

С нами она – заедино!
Без всякого карантина.

Спицы мелькают остро,

Кошка мурлычет сочно.
Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.

Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.

*

Лесенка

Внуку-первенцу Льву

Я по лесенке иду, поднимаюсь:
К деду с бабушкой я сам добираюсь.

Раз, два, три! Раз, два, три!
На меня ты посмотри!

Вот уже могу шагнуть и четыре,
И счастливей нет меня в целом мире.

Уже пять, уже пять –
Будут Лёву поздравлять.

...

Я прошёл ступенек шесть так искусно!
Не пора ли нам поесть очень вкусно?

Вот и семь, вот и семь:
Одолеем их совсем!

На восьмую поднимусь уже следом –
Скоро-скоро обнимусь с милым дедом!

Девять все покорил
И... остался я без сил.

...

Все ступеньки я прошёл, слава Богу,
В гости к дедушке пришёл на подмогу.

Вместе с ним всё поймём
И до неба мы дойдём!

*

Морской бой

Бой морской на тетрадке:
Два трёхклеточных – в ряд...
Мой кораблик в порядке!
Вражьи шлюпки горят...

Бац! «А-два» – мимо тоже...
«Пли!» – мы дали отпор.
Их линкор сник, похоже...
Наш ответ врагам скор!

Мой противник «учебный» –
С ним за партой сидим,
Но рожочек победный
Вновь трубит не над ним.

Петька сделался строже...
С ним у нас без обид,
Но ему не поможе-еет...
Вдруг, корабль мой подбит.

Лавры жилить не буду:
Я – за честный подход!
Есть «коронное блюдо» –
Палец суну в компот!..

Моё «коронное блюдо» –
Палец... макну... в компот!

*

Песня Герды

Розы: белая, красная –
На краю у земли.
Солнцу радуясь ясному,
Обнимались-цвели.

Расцветали, не ведая
Холодов или вьюг.
Не знакомые с бедами –
На сердце всегда юг.

Жизни все испытания
Выдержим мы вдвоём –
Сбудутся пожелания,
Своё счастье найдём.

А владычицу снежную,
Сколь она ни сильна,
Пусть любовью и нежностью,
Одолеет весна.

Ласковая и нежная,
Царствует пусть весна.

Розы: белая, красная –
На краю у земли.
Солнцу радуясь ясному,
Обнимались-цвели.

*

СКИТ ПОЭЗЫ

Сигары Коиба

Людмиле Владимировне Тимоевой

Сигары Коиба
Под виски шотландский,
Мягко, богато, изыскано
Паля в эмпиреях...

Сигары Коиба...

Иль в трубку, смакуя, набивать
Щепотками Данхилл.
Приятно жмурясь от дыма,
Неспешно раскуривать...

Табак марки Данхилл.

А можно изящно
Вскрывать блок за блоком
Блестящие Кэмэл и Винстон,
Пепел роняя небрежно.

Кэмэл и Винстон...

А я на ладони катаю
Самосада крупинки рыжие
Вперемешку с хлебными крошками,
Из рая глядя на землю.

Самосада крупинки рыжие...

Так строфы в виденьях и звуках –
Кириллицы рай и ад Данте,
Рождённые в сладких муках,
Дороже мне всех фолиантов.

Так строфы в виденьях и звуках –

Кириллицы рай и ад Данте,
Рождѣнные в сладких муках,
Дороже мне всех фолиантов.

Всех фолиантов...

*

Пегас

В Абхазии полусонной
Объезжал приморский пейзаж –
Всѣ далеко не «лимонно»...
Я б лучше послушал джаз.

Ничего особо приметного...
Вдруг по тор-мо-зам – бом!..
Как в твердь знака запретного –
Чуть не в стекло – лбом!

Мустанг гнедой полудикий
Храпит, раздувая ноздри –
Застыл на шоссе безликом,
Нам предъявив козыри.

Натянутой стоял струной,
Сей гордый народ знаменя,
Вестником яркой фортуны,
Как жизнь, свободу ценя.

Сам я давно приручѣнный,
Объезженный – некуда дальше! –
Смотрел на него восхищѣнно
И в этом ни грамма фальши.

Не своенравный Пегас –
Угодительства кляча –

В холостую давлю я на газ,
Рифму бесстыдно клянча.

В Абхазии полусонной
Объезжал приморский пейзаж –
Всё далеко не «лимонно»...
Я б лучше послушал джаз.

*

Поэт-акустик

Поэт – он тот же акустик,
Слух режет: мина – по борту...
У него, коль слово упустит –
Кровь закипает в аорте.

Стихами поэтов мерьте:
Старость им – не подруга.
Торопит посланник смерти
Лучших выйти из круга.

...

- А нужна их правда кому?
- Нет.
- Человечество впало в кому?
- Да.
- Мы хотим узнать, что ждёт всех?
- Нет.
- Даже если всех ждёт беда?..
- Да.
- Кто примчится с вестью дурной?
- Смерд.
- Ждёт тех, кто откроет покров?..
- Смерть!!!
- А вы, молодой человек, куда?
- Мне нужна Правда!

– Да-ааа?..

– Да.

...

Поэт – он тот же акустик,
Слух режет: мина – по борту...
У него, коль слово упустит –
Кровь закипает в аорте.

Стихами Поэтов мерьте:
Старость им – не подруга.
Торопит посланник смерти
Лучших выйти из круга.

Поэт – он тот же акустик...

Поэт – он тот же акустик.

*

Часть II

композитору Артёму Хиля

Остров откровения

Дневник писателя

- А зачем Вы впутались в эту историю, писатель? Зачем вам Зона?
 – Вдохновение, профессор, вдохновение. Иду выпрашивать.
 – Так вы что, исписались?
 – В каком-то смысле.

«Сталкер»

– Я, дурак, жалею, не взял тогда журнал. Возможность была...
 – Оня поскрёб затылок... – Это было в районе Диксона, на небольшом скалистом утёсе в северо-восточной части Карского моря. Мы остановились там с экспедицией на одну ночёвку. На острове всех строений – домик метеорологов. Лишь в одном месте можно посадить вертолёт, да и то нужно быть малой авиации великим гуру: мешали установленные на метеоплощадке два флюгера и антенна. Заходим в дом... Чувствовалось, давным-давно здесь никто не бывал – затхлый запах сырости встретил, едва переступили порог. С полу я поднял влажную книгу в коричневом переплёте: «Наставление гидрометеорологическим станциям и постам» (Утверждено Главным Управлением гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР, 1967 год). Полистал, отложил в сторону, огляделся. Всё хранило на себе явные признаки запустения: дверцы настенных шкафчиков распахнуты, на пыльной полке в гордом одиночестве томилась надорванная пачка с остатками грязно-серой соли, на столе банка из-под рыбных консервов с закаменевшими укурками. Там же, на столе, и лежал этот журнал: обложка в бурых витиеватых разводах, листы разграфлёны вручную особым образом. С виду обычная домовая книга, обшарпанная, но целая. На титульном листе заголовок: «Книжка КМ-1 для записи метеорологических наблюдений». Учёт вели два дежурных, строчки аккуратные, убористым почерком, выстроены в столбик:

Температура воды...
 Направление ветра... метров в секунду;
 Температура воздуха:
 (сухой термометр, смоченный, минимальный (спирт, штифт);
 Облачность (высота нижней границы, форма облаков);
 Количество осадков... в миллиметрах.

И цифры, цифры, цифры...

Значение одних разгадал бы и несведущий, но большей частью какие-то коды, значки для посвящённых. Изредка в эти сухие сводки врывается эмоциональная, мирская запись:

«До вертолѐта 29 дней. Ура!!!!!!!!!!!!!»

Страницы сменяли одна другую. Таяла вожаденная цифра, отделявшая двух затворников от возвращения на большую землю. Осталось «20 дней», потом «17», «10», «9»... Упоминание о вертолѐте стало более частым, нетерпимым... Понятно, люди они небалованные, привыкшие к испытаниям, но, как ни крути, на большой земле ждут блага цивилизации: тут тебе и бесперебойный электрический свет, и паровое отопление, и тёплый санузел с блистающим тронном... Вечером – в уютном кресле любимый фильм с пивком или новости с чашкой ароматного сладкого чая. Да мало ли что ещё... Остаётся лишь определиться с выбором (одной рукой ведь не ухватишь за грудь и за...). Осень, к тому времени, судя по данным метеонаблюдений, раздухарилась, разбуянилась – с резкими скачками атмосферного давления, хлѣсткими порывами шквалистого ветра, первыми ночными заморозками и неистовыми штормами Северного Ледовитого океана. Приближалась зима.

И вдруг обратный отсѣт обрывается... А спустя несколько страниц сдержанно-гневная надпись:

«3-й день нет вертолѐта».

Начиная с этого места, в череде служебной информации – лаконичных, не допускающих суесловия сводках – обязательно следовала приписка. Почерк менялся через день: то он аккуратный, красивый, с одинаковым уклоном вправо, то дѣрганый, насилиу читаемый. Цифра неудержимо росла:

«5-й день нет вертолѐта», «6-й...», «7-й...»

Фразы становились драматичнее:

«Кончилось питание рации».

«Топливо – на нуле. Хоть разбирай домик и жги по доскам».

«Сегодня закончились последние продукты».

«Пятые сутки голодаем!»

Затем, уж и вовсе в нарушение «Наставления», стали появляться литературные перлы. Точно алмазы в пустой породе. Цветы на асфальте!.. Язык из официального, сухого, становился богаче, образней, гуще...

«Суки! Забыли про нас».
«Вернусь, контору сожгу нах...й!!!»

А дальше – стихи... Яркие, душевные!.. Про Северный Ледовитый океан, про маленький островок, затерянный на бескрайных просторах, про тепло человеческих отношений и крепкую мужскую дружбу. Я жадно вчитывался в строки, пылающие огнём, представляя себе двух суровых бородатых мужчин, голодных, замёрзших... забытых. И, главное, внизу такая приписка:

«Это – мои первые поэтические творения!»

С тихим восторгом перелистываю очередную страницу. Наотмашь бьёт крик:

«Ваня сука!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

Сколько экспрессии, чувств! Искренних чувств к ближнему. И ниже, как ни в чём не бывало, ровным каллиграфическим почерком:

Температура поверхности почвы... (срочная, минимальная, максимальная);
Влажность (гигрометр, точка росы)... в процентах;
Ветер (направление, скорость, максимальный порыв);
Давление (термометр при барометре, отсчёт)... в миллибарах.

И опять цифры, цифры, цифры с точностью до десятых...

Причём, все последующие сводки писаны одним почерком – аккуратным, наклонным. Второй, дёрганный, трудночитаемый, исчез...

Ближайший поезд в Беломорск уходил в час ночи.

Я расположился в зале ожидания, в углу, подальше от входа, подальше от любопытных глаз, расспросов. Достал из рюкзака сочную копчёную колбасу, свежий ржаной хлеб, помидор, огурец. С аппетитом перекусил. Сверху, на десерт, – шоколадный батончик.

Запил из фляжки холодной колодезной водой. Уплетать эти яства было тем приятней, что впереди ждал строгий пост. Прекратить трапезу прямо сейчас не смел. Рано... Может случиться, в последний, самый решающий момент не хватит духу, откажусь от задуманного, и затея сорвётся. Аргументы желудка перевесят и заглушат все остальные. Нетушки! Нужно продолжать тело холить, до последнего ублажать лакомствами, усыплять его бдительность и, лишь когда ничего изменить нельзя, предложить довольствоваться пищей духовной. Исключительно! Чтобы и результат на выходе был соответствующий... Человек, по сути, – мясорубка: что на входе, то и на выходе. Да, я наконец отважился высадиться на необитаемом острове, искусственно создать «пограничную» ситуацию и принудить (!) душу к творчеству, коли не желает подобру... Срок заточения наметил себе пять суток. (Больше не выдержу!) Пять дней и ночей. Вода на завтрак, обед, ужин... Собираюсь на пять суток оградить себя от мира сего, отключить назойливый гам людской – нажать «mute». Ввести строгий карантин для тела, разума и души. Хочу сосредоточиться на главном!

Хочу расчистить путь духу!
 Чтоб вокруг только я и Бог.
 И тогда вымолить у Него новые строки.
 Все остальные методики я перепробовал. Не помогло...

О стихах я и не мечтал! В рифму мог вернуть лишь срамной ответ на вопрос «где?»

Вышел на перрон.
 Влажная морось фантастическим гало окружала фонари.
 Репродуктор громко картавил:
 – Внимание! С юга по втор-ррому пути проследует маневр-рровый. Г-ррраждане пассажиры, будьте остор-ррожны, не приближайтесь к краю платформы! – через минуту вдалеке показались три ярких огня, нарастал ритмичный гул: «тудун-дудун...», «тудун-дудун...», «тудун-дудун!».

Товарняк прошёл, утащив следом лязганье, грохот, суету...
 А вот и мой поезд!

Я нашёл указанный в билете вагон, место, уложил вещи, под стук колёс устроился на верхней полке и погрузился в размышления о поэзии и причинах своей идиосинкразии к рифме. Мне довелось однажды слышать, как маститый поэт, признанный мэтр

стихосложения, снисходительно поучал школяра-дециметр. Избранный пассаж я украдкой записал и неделю зубрил: «Русская просодия в её силлабо-тоническом классическом варианте требует строгого выполнения ряда фонетических, метроритмических, орфоэпических и стилистических ограничений в части стихотворного размера, ассонансно-аллитерационного звукоизвлечения, рифмы, цезурирования, спондеев и пиррихий, структурного членения строфы и прочих формальных версификационных правил».

Правда, мило?

Я повернулся лицом к стене и чувствовал, как инквизиторы от литературы вгоняют мне в спину, будто иголки, колкие упрёки:

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

А я что? Я молчал... И, по существу предъявленных обвинений, возразить не мог ни-че-го.

Доставить меня на безлюдный остров взялся Семён Керчак – потомственный помор из местных. Кряжистый, угрюмый, шипастый. Раз в неделю он выходил в море на карбасе заготавливать водоросли. Туда – пустым, обратно – под завязку гружённый вяленым фукусом. На сегодня был запланирован очередной выход. В напарниках у него москвич:

– Андрей, – представился щеголеватый мужчина, – по-англицки – анкл-Дрюня. [1]

– А по-карельски Оня!

Оня – школьный учитель биологии. Мужуку тридцать лет, а успел объездить в поисках романтики всю Россию. На Белом море этой дури оказалось с избытком, вот и проводит здесь третий отпуск подряд. Вышло, что помором он стал не по происхождению – добровольно.

Затее моей не удивились ни тот, ни другой:

– На *своей* воли на *одинки* идёшь. Бездельё – тоже рукоделье! – философски заметил Керчак. – У каждого в голове свои тараканы, мои тараканы к тебе не перебегут. Увезу, какой разговор. Высажу на голыш.

Оня сориентировался по лоцманской карте, сделал пометку:

– Крестик мы тебе поставим здесь.

Мужики не скрывали свой скепсис. А я не пытался их разубеждать, «Ибо иго Мое благо, / и бремя Мое легко».

Накрыла меня с головой усталость... гнетущая усталость – от мира, от прогнозируемой траектории падения его, от назойливой пиар-пропаганды, от вездесущего гула цивилизации, от людей плохих и хороших (хороших-то уважить нужно «через-не-хочу»), усталость от себя... От всего! Именно усталость гонит человека с обжитого насиженного места в поисках скита, побуждает заползти в крепь, глухую нору, в тень, исчезнуть на время с глаз людских... Уставший не испытывает желаний другого, помимо жажды одиночества, тишины, покоя... пусть даже вечного. Уставший человек – не человек... Сам себе делаешься в тягость. В урбанистическом гетто человек себе не принадлежит: время, все силы до капли уходят на соблюдение традиций, обычаев, на гримасы и ужимки, одним словом – на «протокол». А подзарядка мне требовалась срочно: эмоциональная, энергетическая, смысловая, чувственная...

К тому же, не хочется жить в длину, писать в длину.

А пока не пишется вообще ничего.

Голова, душа – пустые.

Немота!

Да, это и понятно... Я ещё в себя прийти не могу: не верится, что вырвался из цепких лап цивилизации, разорвал, как Гулливер в стране лилипутов, многочисленные путы, и сбежал. Моя мечта: научиться вслушиваться в себя... записывать под диктовку. И может, приблизиться к Истине. Непростая задача... в сутолоке она не решается. Скопом, большинством голосов, её не одолеть. На какое-то время необходимо полное одиночество и воздержание, а потому отправляюсь на пять суток один-одинёшенек, без куса хлеба, с запасом питьевой воды и чистым блокнотом. Крутые экстремалы хмыкнут: «Эка невидаль! люди голодают по десять дней – чистое здоровье! Классический христианский пост вообще сорок суток». Но ведь я – сублильный рафинированный горожанин...

Нет, пока о новых строчках можно не мечтать...

Для того, чтоб возликовал творческий дух, должен воцарить мир в себе, нужна светлая умиротворённость, сосредоточенность. И

остров, надеюсь! – средство надёжное. Туда даже отголоски ток-шоу, надеюсь! не долетят. Интернета нет, телефон не ловит.

Как там у Вознесенского:

Тишины хочу, тишины...
 Нервы, что ли, обожжены?
 Тишины...
 чтобы тень от сосны,
 щекоча нас, перемещалась,
 холодящая словно шалость,
 вдоль спины, до мизинца ступни,
 тишины...

20 августа

Снаряжение я подбирал обстоятельно, и на берегу, перед тем как отчалить, ещё раз всё сверил по списку: компас, спички, фонарик, часы, фляжка, нож, фотоаппарат, три чистых блокнота, две ручки, карандаш, запасные носки, кусок полиэтилена, дождевик, пара нижнего белья, носовые платки, туалетная бумага, комаринка... Ничего лишнего.

Оня заглянул в мой «поминальник»:

– Мазь можешь не брать – комары там не выживают... А вот спальник возьми, я дам. И чайник понадобится, и топор. Скала безлеса, но штормом нет-нет да и выбросит брёвнышко. Плиту растопишь, попьёшь кипяточку, полегче станет. Пресная вода – в расщелинах...

– Нет уж...

Я не хотел брать воды даже из деревенской речки, которая принимала стоки бесчисленных бань. Мечталось непременно ключевой. Ближний родник, по местному «талец», за семь километров от села. Пришлось ехать туда специально, но последнюю волю узника, ссылаемого на голодный остров, поморы исполнили...

Начинался прилив. В одиннадцать по полной воде отчалили.

Ветер выпал северный, резкий. Пока выходили из устья речки Колежмы, пока шли, прикрываясь островами, волны игриво ласкались, угодливо тёрлись о борта карбаса. Между тем ветер свежел на глазах, и стоило высунуться за Мягостров на простор, там уж поджидали

бодливые барашки. Со всего бега они ударили в носовину лады, опять разбегались и опять били, окатывая нас холодной солёной водой.

– Не знаю, удастся ли подойти встреч волне, – Керчак всматривался в закипающее море с тревогой. – Можно тебя, конечно, ближе, на Борщовых ссадить, да там соблазнов много: избушка поживей, в лесу грибы-ягоды, ларь с припасами: крупа, соль, макароны. Этта будет спокойней...

Разговор приходилось вести на повышенных тонах, иначе море, словно бесцеремонная реклама по телику, перекрикивало.

Оня от мачты пересел на корму, вплотную ко мне:

– Вообще ты верно придумал. Один метеоролог так с голодухи поэтом и сделался!.. – Я, дурак, не забрал тогда журнал.

И всю дорогу он рассказывал про мужика, который перешёл на рифму в силу необоримых обстоятельств, поневоле. Я слушал, а сам укреплялся в своей догадке всё больше и больше: «Значит, неспроста такая идея пришла мне в голову! Имеет она право на жизнь».

– Подходим! – гаркнул Керчак, перекивая гул двигателя и морской рёв.

Впереди по курсу, на расстоянии мили, возвышался каменистый тёмный хребет, будто подводная лодка, всплывшая на поверхность.

– Как он называется? – прокричал я в ответ.

– Некак! Безымянный. Длиной метров двести, в ширину меньше ста. Растительность – лишайники да несколько ягод. Матера [2] – в двадцати километрах по морю, связи нет. Со стороны горе, с другой – море, с третьей – болото да мох, а с четвертой – ох!

Оня задорно рассмеялся:

– Просил отвезти в самую задницу? Тебе повезло. Этот остров – центр её. Анус!

– Здорово! – с тихим восторгом вырвалось у меня. – А назад когда?

– Може, в субботу приду, ране некак.

– Прекрасно, раньше не нужно...

– А хоть бы и нать, у тебя линейка [3] така.

К острову подходили с востока, затем вдоль подветренного берега напрямик в загубину к избе. Подпустив карбас метров на двести, с гранитного пологого мыса поднялась пара огромных размашистых птиц. Белохвостые орланы! Приметный белый хвост, крючковатый клюв, сильные когтистые лапы. Они кружили над нами, подавая друг другу знаки. Оня с птичьего перевёл так:

– Возрадовались морские коршуны! Давненько не клевали печени человеческой.

Карбас, несмотря на внушительные размеры, подошёл к берегу почти вплотную, меня с нехитрыми пожитками высадили на безлюдную скалу и, пожелав творческой удачи, отчалили. Сперва отталкивались шестами, выводя карбас на глубину, затем подняли парус и ладья стала удаляться, удаляться, пока не превратилась в точку. А потом в морской дали растворилась и она.

Всё.

Сегодня, 20 августа 2012 года, я остался на необитаемом скалистом острове. Без запаса пищи.

В Белом море...

Один.

Подхожу к избушке: опп-па! Дверь – нараспашку! И во «входящих» – письмо с прикреплённым файлом: прямо на пороге свежая медвежья куча черникой! Ну, разумеется, больше негде, не в тайге ж гадить. Валяйте! (А я-то размечтался: «один-одинёшенек».) Низко склонив голову, словно пред тесными воротами в Храм Гроба Господня, захожу в лесную келью:

– Ну, здравствуй, хозяйюшка-изба.

Поморская изба просторная, светлая. Рубленая из вековых сосновых брёвен, с высоким потолком... Вдоль стен широкие длинные нары, напротив входа вместительный обеденный стол, два окна, дровяная плита, плотная крепкая дверь. Что ещё нужно? Дух нежилой, не прибрано... Осматриваюсь... Морские ракушки на подоконнике, кухонная тряпка из дели на полке, упорки [4], охапка дров у печки... пустая бутылка опрокинута. Похоже, кроме мишки здесь давно не было ни души. В избе по полу раскиданы журналы, на полках пустые грязные склянки. Бедлам... Но это поправимо. Как учил мой любимый Экзюпери: «Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету». На верхней полке под руку попала пачка из-под печеня. В ней остаток кондитерской пыли – столовая ложка, не меньше. (Выбрасывать отчего-то не стал.) В коридоре запас чурок на топку. Эх! лучковку бы... На берегу заметил сосновый топяк. Бревно, высушенное ветром, аж серебрилось на солнце, но без пилы к нему не подступишься. Жалко. Август на Белом море уже лето [5].

Из-под дров выскочила мышка. Замерла. Глазки испуганно блеснули, носиком повела.

– Здравствуй, маленькая. Не обижу. А вот угостить нечем... Извини.

Я собрал журналы: все, словно на подбор, «Мир книг». На обложках популярные темы: «консервируем без соли» и – смачная картинка с аппетитными овощами в банке... (Нет, в данный момент глядеть тааа-кое! противопоказано.) На другой – любовная сцена из женского романа: томная красавица целует джентльмена: «Джуд Деверд. Первые впечатления» (запоздали они с рекламой первых впечатлений.) На третьей обложке обыкновенный чёрт: огненный глазище, хищный вид. Подпись: «Кристиан Мёрк. Дорогой Джим». Нет, чего-чего, а Холуинов [6] здесь не допущу. Это во власти моей. Я оторвал глянец, сунул в печь.

– Ну что, дружище Джимми, начнём?

Страничка, прославляющая чертовщину, загораться не хотела. С третьей спички... Сжёг бесовский лик, а может, напрасно? Вдруг, клеветают на товарища Дьявола, и люди по недомыслию изображают его в роли отрицательного героя? Что если миссия его необходима?! Зам. по оперативной работе – неблагодарная, собачья должность.

Для спокойствия души над окнами, дверью, в углах я изобразил карандашом маленькие крестики – защита от нечисти. А ещё в журнале нашёл раздел, где рекламировались православные книги: «Вам поможет пресвятая Богородица», «Жития святых», «Православный календарь 2009 года», «Святой великомученик Пантелеймон»... Это то, что нужно. Разворот согнул пополам – иконками к свету, обложкой внутрь – положил на подоконник. Пускай будут на глазах, вдохновляют, направляют. Как стрелка компаса в хаотичном поиске влево-право постепенно сокращает амплитуду колебаний и, окончательно определившись, указывает направление «на север», так душа человека устремляется к небу.

Душа зорче разума, она не заплутает, она выведет...

Неожиданно... в моём взлохмаченном, настёганном сознании бегущей строкой мелькнула фраза:

К сосне вековой
притулившись спиной,
маску сбросив, молло:
– Во имя Отца и Сына

и Святаго
 Духа...
 Воистину Север и Юг
 и Запад
 с Востоком.
 Крест православный,
 Стань мне оком!

– !!!

Я перестал дышать... И не веря до конца в то, что произошло.
 Всё бормотал, бубнил едва родившиеся строчки.

ПЕРВЫЕ РИТМИЧЕСКИЕ СТРОКИ В МОЕЙ ЖИЗНИ.

Да, увы, мои строки несовершенны. Ежели их на Парнасе объявить стихами, за родню не признают, объявят «гадкими» и в итоге заключат мои «смехотворения». Да, возможно, строй их не образует гармонии... Но лесенка-то кака красива?.. И, причём, без единого гвоздя, без топора.

Обеденный стол я застелил куском полиэтилена – взял с собой от дождя, на случай непредвиденной ночёвки в лесу – достал фляжку с водой и... пообедал. Затем никакого заделья придумывать не стал, решил обследовать остров. Не для того, чтобы на манер Робинзона убедиться в его необитаемости, так, для порядку.

Во время отлива, обходя по кечкаре остров, я наткнулся на свежие медвежьи смайлики: огромные, чётко отпечатанные на глине косолапые следы неспешно уходили в сторону материка – два медведя в одной берлоге не живут. Рядом с избушкой – лесок. Телогрейкой накрыть! А между тем растут в нём кустики черники, брусники. При желании соберу пясточку. Даже рябинка одна охорашивается на ветру: грозди оранжевые, незрелые – но, коли потянет на жор, кочевряться не будешь. Редкие кусты можжевельника плодоносили: рядом с зелёными бусинами – зрелые голубые. Попробовал на вкус – сладковатые опилки... Ещё в своих владениях обнаружил чёрные ягоды. Их называют кто шикшей, кто вороникой либо водяникой. И правда – на вкус водянистые, едва слащавые. Росли они на изумрудных колочках, ворсистым ковром устилающим вершину. А крупные, розовые с беловатым бочком, дегустировать не посмел. И правильно сделал. От старожилов узнал: не ест их ни человек, ни

птица. Гаже ягода. Пальцами раздавил, внутри будто пенистый крахмал.

Не ошибся, прихватив запас пресной воды. Питьевой здесь нет. В каменистых ложбинах вода хоть и пресная, но тухлая, для питья не годная. (Птицы подмываются в этих природных ваннах, оставляя благодарные размашистые отзывы). Пока перепрыгивал с камня на камень, чуть не соскользнул по склону на мокром лишайнике – он съехал вместе со мной, словно доска для виндсёрфинга. (А ведь Керчак предупреждал!) Стал передвигаться осторожнее.

С вершины скалы открылась взору особая северная, неяркая красота. И неукротимая мощь! Колючая морянка, студёная, злобная гнала высокую волну – предвестницу зимы, окантованную белоснежным гребнем. Волны с грохотом разбивались о скалистый берег, разбрасывая густую тяжёлую пену. А с подветренной стороны благодать... Штиль, тишина да редкие клики парящих чаек. Два тюленя, завидев меня, скользнули в воду с плоского камня и принялись нырять, точно играя в прятки – мордочки гладкие, умильные, как у ластиющихся собачек.

Волны, пена... Ну-ка... ну-ка... Я записал в блокнот:

Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледашки.

Может, пригодится... Похоже на детский стишок.

Чувство эйфории распахнуло душу навстречу хмурому ветру... Потоптался на месте, подошёл к краю обрыва, успокоился.

Остров мой представлял вытянутую гранитную скалу, испещрённую глубокими расщелинами, трещинами; с мола в солёную пучину уходили четыре каменистых гряды – по местному «*кюрги*» – покрытых мхом и редким можжевельником. Будто в морщинистой ладони великана покоилась зелёная пушистая варежка...

Никогда раньше не отмечал по часам морские циклы, а сейчас такая необходимость появилась. По данным на 19-е августа выходило: в 11.00 – максимальный уровень, «*полна вода*», в 17.00 – минимальный. Вода пошла на убыль – куйпога – в мировой ванне открыли сливную пробку. На глинистом дне остались борозды: сказочный гигант волоком тащил упиравшееся море прочь от берега.

Дно оголилось – кечкара. По обсохшему морю шанс добраться от острова к острову, до самого материка. Если повезёт... Белое море требует к себе отношения уважительного. Панибратства и пижонства не прощает. В прошлом году турист пытался с острова перейти на материк по кечкаре, дойти не успел – прилив настиг его... Куйпога, кечкара... До сих пор путался бы в этих поморских терминах, кабы не тамошний фольклор: «Готовился к свиданке – полна вода, до дела дошло – куйпога!»

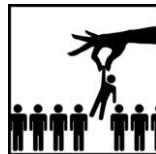
Непривычно идти по обнажённому морскому дну с редкими лужицами грязи, обходя огромные обсохшие валуны, охапки фукуса, ракушек, медуз, распластавшихся на песке фиолетовым заливным.

Северный ветер траву пригнул.
 Полна вода, куйпога.
 Рукой подать до материка,
 да шальна волна – не слуга!

А глянь, через шесть часов, чудеса:
 не нужно плыть за кормой.
 По морю ступай, аки посуху.
 Кечкара – путь домой!

Ну домой, положим, засобирился рановато... Пока ещё не одолел ни одной ночи. Впереди десять отливов и столько же приливов: в сутках две воды. Как выяснилось позднее, цикл этот с каждым днём сдвигается по часовой стрелке на тридцать минут.

Наступление воды во время прилива глазом приметить трудно. Не доходя одного шага до береговой кромки, сделал сапогом отпечаток на липком глинистом дне – края ямки взбухли, образовав бортик. Засёк время. Десять минут ушло на то, чтобы рассол преодолел расстояние в полметра, ещё минут десять – и первая струйка перетекла через бортик, заполнила ямку-след. Но ведь морю нужно покрыть километры отмелей. Разве такое возможно? Да чего там!.. Эти несмелые разводы легко запросто собрать половой тряпкой. Словно сосед сверху забыл кран открытым, вот немного и просочилось... Казалось, море не вернётся больше никогда, а та водная стихия, что недавно хозяйничала тут – сон, мираж. И никогда больше не ходить колежомским поморам на карбасах. Между тем, пока я фантазировал, водица прибывала и прибывала. Она уже поднялась по циклолотку, ползла выше. До слуха доносилось перешёптывание воды

с песком – так весной, в знойную апрельскую погоду слышно, как тает снег.

Воткнул в дно тростинку с отметинами, стал ждать. Мой самодельный водомер показал: вода прибывает уже со скоростью сантиметр в две минуты. Прошло три часа, и так же, как испокон веков, море заполнило всю прибрежную часть, затопило дно, отвоевало у суши спорную территорию. Камень у берега возвышался на метр – скрыло полностью. Прилив, как время, неумолим.

И вновь выпорхнули на волю строчки:

Белое море. Прилив – отлив.
Р-ррочут морские часы.
Сколько они отмерят мне
дорог по жизни пройти?

Морские мили сухопутных длинней,
но они ведут строже счёт.
Море, качаясь вперёд-назад,
раскачки нам не даёт.

Вот тебе раз! Первый день, как на острове и уже пятое проза-творение. А море действительно партнёр серьёзный. С ним шутки шутить не стоит. К морюшку надо с уважением, на Вы... Пытаться наказать, высечь – неблагодарное дело [7]. (Хвалилась синица, что море зажжёт!) Не стоит на него и обижаться понапрасну, оговаривать. К примеру, морскую болезнь у меня вызывает вовсе не море – люди!

В темени вышел на берег.

Ветер стих, небо вызвездилось, заметно похолодало.

На чёрно-бархатном космическом полотнище проявились тонкие белёдые разводы. Вначале малозаметные, они делались ярче, расширялись. Вскоре по небу, из края в край, протянулся светящийся шлейф.словно золотисто-зеленоватый дымчатый шарф кокетки-ночи... Северное сияние – жди скорой зимы. В крепко срубленной избе обнаружили щели. Полуночный ветер заглядывал ко мне в гости, перелистывал страницы журнала на подоконнике, тихонько охал от удивления... Я с головой закутался в спальник, укрылся поверх курткой и покойно заснул. В эту тихую, не по-летнему студёную ночь, первую ночь на острове Творчества, мне чудно спалось.

21 августа

Соседи-мыши, всю ночь шуршали, беспрестанно гомонили (думал, у них до гармошки дело дойдёт!), но вся эта фонограмма, в которую вплетался спокойный ритмичный плеск волн, лишь способствовала релаксации.

Под утро мне снилось солнышко, нежное, ласковое... снилась доча. В полусне-полуяви начали всплывать слова, строчка за строчкой. Они послушно выстраивались, поправляя друг дружку, как малыши на утреннике в детсаду:

Дочушка Катюня –
 Стебелёк с особинкой.
 Величает муж тебя
 Ласково «микробинкой».

Добротой своею
 Зарази весь мир!
 Славный на планете
 Люд устроит пир.

Солнце загостилось
 В волосах твоих.
 Мне на радость снилось,
 Будто греюсь в них.

Долго лежал, не шевелясь, не желая выпускать тепло словушек. Наконец вспомнил генералиссимуса Суворова, его спартанское самовоспитание. Тужился себя представить им. Но до обливания студёной водой, кульбитов гольшом на траве дело так и не дошло. Вяло поднялся, брезгливо побрызгал на лицо морской водой... Вероятно, в процессе трансформации, не туда нажал, либо мало тужился.

Обошёл остров вторично, вдоль-поперёк, из края в край. Передвигаясь береговой кромкой, спугнул выводок чаек. Ещё не слётки, птенцы, пушистые, крупные, мышастого цвета. С гомоном шархнули от меня, поплюхались в воду и, рассекая морскую гладь, скрылись за гранитным уступом... На берегу остались нежные пуховые пёрышки, беспомощные, слабые. Они не могут вознести

птицу ввысь, не позволяют уверенно, свободно парить в небе – всему своё время! Я поднял невесомое пёрышко, разжал пальцы – ветер подхватил его и унёс. Поодаль нашёл большое гусиное перо. Пригодится! В комплект к нему, подобрал дощечку, отшлифованную морской волной, выдавил сучок и в отверстие вставил перо. Получился настоящий писательский набор: перо – вечное, чернильница – бездонная. Чтоб не забывать: зачем я здесь!..

В полдень совместил завтрак, обед и ужин: набрал по яголке целую пригоршню брусники с черникой, вдогонку – десяток плодов можжевельника. Пора за работу! Нашёл подходящий каменный уступ – «писательское кресло» на скалистых террасах. Да это скорее трон, вырубленный природой в граните. Мерку, похоже, снимали с меня: пятьдесят восьмой размер. Сижу лицом к югу, там сейчас солнце. Сижу, расслабив вытянутые ноги, жмурюсь, купаюсь в нежных лучах космической жар-птицы...

Ресницы слегка зашторены, глаза прикрыты... Солнце – чрез веки... что-то едва-оранжевое... Лёгкий бриз ластится... свежит лицо. Мысли утекают, пугаются... Колыбельная чаек убаюкивает. Приятная сонливость...

Извините, дальше не помню.

Проснулся от порыва ветра. (Ветер, кстати, сменился с северного на южный: стало заметно теплее, словно дверь в холодный погреб прикрыли.)

На кресло присаживался и так, и эдак – обживал. Несколько раз доставал блокнот, карандаш, однако ни единой строчки так и не случилось.

Внутренний голос с сарказмом заметил:

– «А вы, друзья, как ни садитесь...»

– Э, нет!.. Так не пойдёт... Сделай одолжение, заткнись!

Сейчас вредна самокритика – она сеет неуверенность... Нужен нездоровый кураж, вера в свою гениальность. Вера слепая, беспочвенная, маниакальная... Не идёт проза? Запрягу в качестве пристяжной Пегаса.

Внутренний голос ехидно пробурчал:

– Ох, мы с тобой сейчас и насочиняем, ох, и наворотим!..

– Опять?!

– Молчу.

– Вот и молчи.

Вода пошла в жар, подпирала.

Я вернулся в вечеряющую избушку, присел на нары. Чрез оконце на меня глядели бездонные серые глаза ведуньи-ночи.

Где-то там, за метафизическим горизонтом скрылись мои родители, друзья... Скоро вслед идти мне, таков удел каждого. Роковые обстоятельства не изменить, но как бы хотелось уже сейчас приблизиться... насколько возможно, к границе небытия... И там... поискать Истину. По мере таянья тела улетучивались мои земные желания, кушать (чудное дело!) не хотелось, жажды не испытывал. Мозг работал спокойно-спокойно, даже слегка заторможено, словно в анабиозе. Не хотелось говорить, двигаться... Лежу, укрывшись тёплым спальником, рассеянно смотрю то в потолок, то в окошко. Свеча горит ровно, оплывая капля за каплей... Пуповина, связывающая меня с привычным миром, пересыхает... Обостряется внутренний слух. Предвиденье, предслышанье... Я постепенно превращаюсь в мысль.

Мной овладевает полусон...

Белая ночь, мир отдалив,
Тайну незримую сердцу откроет.
Мысли и сны поровну поделив,
Душу томимую светом омоет.

Хорошо!
С тем и заснул...

22 августа

Утром в памяти всплывали родившиеся за эти дни ритмические строки... Я вслух декламировал их, наткнулся на неудобочитаемость, логические нестыковки, слова-булыжники. Они выростали снова и снова, точно камни весной на карельском поле. Выкочёвывал их, вносил бесчисленные правки.

Солнышко за окном совсем невесёлое, в белёсой дымке. Ветер то северный, то южный, то западный. Крутит, финтит... Бардак! Так и вспомнишь «Одиссею» Гомера [8]:

И плот его ветры по бурному морю гоняли.
То вдруг Борею бросал его Нот, чтобы гнал пред собою,
То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.

Третий день в ссылке, в заточении.
Утро между тем перетекло в полдень. Не писалось. В
дневнике так честно и указал: «Не пишется ничего».
И вдруг, помолился и... началось:

Занозила душу тоска...
Растерял себя, расплескал.
Заплутал среди мирских затей
и от проповедей устал.

Люди – сила, но пробил час:
только сам себе можешь помочь.
Отрекись
от соблазна
«слыть».
Пуповину
сгрызи
прочь!

Удались в одинокий скит,
где сойдёт
мишуры
линь.
И смиренной молитвой взывай
богоносных
небес
синь.

По всей душе елеем растворилась сладкая благодать...

Незаметно, в пустых заботах пролетел день.
Две ночи терпел без спасительного огня, горячего кипятка.
Баста! Наколот дров, уложил в топку. Печная дверка висит боком на
медных паутинках-проволочках, одна петля отломана. Толком не
закреть. Кое-как... В чайник налил ключевой воды, кинул кусок чаги

– уже не пустой кипяток. За окном стало накрапывать. Верно подмечено: западный ветер плаксун [9] – плачет, дождь приносит. Сквозь прозрачную пелену всё вокруг сделалось одноцветным. Ну и пускай себе льёт... А в моей светёлке затеплилась печурка. Дверку открыл настежь, сижу, люблюсь алым пламенем. Постепенно изба наполнилась жилым духом, словно жизнь вдохнули. Нужно только не переборщить, иначе вслед за уютом могут просочиться и мысли благоустроенные, изнеженные. Загудел чайник, запыхтел, радостно забренчал крышкой. Спасибо тебе, хозяйюшка-изба!

Запросилась на бумагу строфа, ещё одна... Я старался их ничем не спугнуть, чтоб случайно не загасить зыбкий огонёк.

Избы поморов, избы поморов –
Братья православных соборов.
Сколь вами сложено песен у моря,
Сколько видели радости-горя...

Стылая печь, закопчённые двери,
Чёрные стены, в углу образок.
Стали моим вы приютом веры
В этом бушующем мире несказок.

Белого моря старцы седые –
Око апостолов и вещей снов.
Как избежать беды научили.
Избы поморов, вы – духа кров.

В сердце своём принёс уголёк вам...
Гулом радостным ободрите.
Печь затоплю – ответьте напевом,
Лишь, родные мои, не молчите!..

Навернулись слёзы.

Вспомнил об ушедших родителях, будто с ними пообщался...

Существует расхожее выражение: «ему сопутствовала удача, звёзды сошлись на небе». Не знаю... С моим творчеством наоборот. Должны все чёрные дыры слиться в одну большуханскую дырищу. Лишь тогда. Сто раз поминаю Сергея Довлатова: «от хорошей жизни писателем не станешь». Правильно говорил! Когда на кухонном столе идёт парок от горячих пирогов, жена – ласкова, дети – уступчивы, власть – вся из себя заботлива, гости – долгожданны, ты здоров,

безрассуден, слегка пьян, нужно быть полным идиотом, чтобы всё это отодвинуть и схватиться за перо. Или, тем паче, упереться сюда, за тридцать земель, на край земли... в одинокую избушку на Белое море, где насильничая себя, побуждать к словосложению. Когда безоблачно, лично мне не пишется. Организму для творчества требуются особые, «тепличные» условия. То есть перечисленные события должны поменяться зеркально: ты как стёклышко трезв, рассудителен, дети разнузданно-вызывающе дерзят, страна отбилась от рук, жена...

И вот всё сошлось: я в голоде-холоде, позабыт-позаброшен на необитаемом острове. Испытываю на себе лекарство от хандры – солёную воду: пот, слёзы и море.

23 августа

На острове четвёртый день. Ночь промучился, проворочался. То жарко, то жёстко, то беспричинно страшно. Утром солнце пыжилось, изо всех сил, подтягиваясь как «ботаник» на турнике к линии горизонта – да так и не появилось. Серая мгла затянула мир. Настроение столбиком барометра ползло вниз.

Послесмертье. Час расплаты!
Длинный список дел, делишек.
И на все есть свой свидетель...
Их порою даже с лишком.

А какой вердикт объявят,
ты не можешь знать заране.
Лучше б в рай, а вдруг как снова...
В ад!
На Землю!
В наказание,
в назиданье...

Пожалуй, вечером больше топить не буду. Тепловой режим угадать сложно: ночью приходится делать много лишних движений, а силы, настроение уж не те. Общая подавленность, уныние. Не хочется ни пить, ни есть. Нужно приводить себя в порядок. Сейчас встану, умоюсь, оденусь, помолюсь и выйду на остров. Там видно будет.

Сегодня на завтрак традиционно подавали бруснику, шикшу и ягоды можжевельника. Интересно бы знать: обладают они полезными свойствами или нет. Какими-нибудь наверняка... Может, хоть нейтрализуют вред друг от друга. После завтрака ходил по кечкаре. Думаю, по скалам лазить больше не стоит – кружится голова. Видел бакланов: родители с парочкой рослых птенцов. Чёрные, размашистые, крикливые. Долго кружили надо мной, затем опустились на дальнюю мысовину и сутуло сгрудились (небось, проводят разбор полётов).

Сотый раз задаю себе один и тот же вопрос: какой смысл сидеть затворником, голодать?

Смысл весомый. Бесспорно!

С первого дня появления на свет я регулярно ем, пью – почти сорок восемь лет подряд. Послезавтра – день рождения, тогда будет ровно. В прошлом веке родился!.. (Самому не верится.) Состояние сытости, пьяности знакомо не понаслышке. А вот жёсткие ощущения, подобные этим, переживать не приходилось. Очень интересно испытать себя, проверить в новом режиме. Обрести знания о скрытом потенциале, сильных-слабых сторонах, о своей сути – ну о-очень! полезно. И сверх того – высокая награда – литературные страницы в новом для себя жанре «прозатворение».

Слева – обрыв, справа – обрыв!
Тропа, над бездной, вела,
Где облака, вершины укрыв,
Таят гнездовье орла.

Мало туда кто решится, пойдёт,
Порвав с привычным житьём.
И голос вкрадчивый песнь поёт,
Назвавшийся Разумом:

– Поверь, не стоит дальше идти,
Зачем быть выше болот?
Нормальным людям это претит,
А ты тянешь пустой лот.

Он веские доводы приводил,
Просил: «Не смейся хоть!..»
Всю душу тревогами избередел,
Треножа твою иноходь.

Против сладких речей восстань
И, рванув, одолей боль.
Человеком достойным стань –

Расти над отметкой «ноль»!

Чудны дела твои, Господи! Я заклинал и мог рассчитывать на скромные прозаические наброски, а тут рифма...

– И всё?! А дальше? – встрепенулся вечно недовольный внутренний голос.

– Дальше?.. Судьбу не нужно торопить. Нужно идти ей навстречу.

И опять...

Хлеба укрой, крупная соль,
Стылой воды глоток.
Познать земную юдоль,
Открыть свой земной исток.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Где земли непочата суть.
Следуя указанью перста,
За горизонт себя заглянуть.

Идти, сбивши ноги в кровь,
До спазмы сухой во рту.
Где перевал рассечёт гору
И крутизна – по нутру.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Неверие, страхи губя,
Идти, терпя нелюбовь,
Штурмуя вершину –
Себя!

Кажется, по духу, по боевому настрою получился второй текст энергетической песни.

Наверняка найдутся те, для кого сочинительство – никчемная блажь. А что, собственно, лучше?! Пополнить армию россиян, взявших потребительский кредит на покупку излишнего, и батрачить остаток жизни на банкиров? Нет уж, спасибо... Либо всю сознательную жизнь продавать сникерсы с мобильниками?.. В итоге (каким-то чудом!) заработать излишек, открыть собственный ларёк и не знать, как его защитить от государства и населения?! Бр-ррр! В конце концов, другие поступай, как заблагорассудится. А для меня

главное – пресвятая литература! Это самое дорогое, самое важное дело. Самое-самое! Самодеятельная словесность помогает понять себя... Создаёт и поддерживает иллюзию смысла жизни. Разве мало? А ещё моя литература – это подслушанные стоны и чаянья душ людских, кровь и слезинки радости.

Почти стемнело. Через оконце едва проглядывает, угасая, свет вечерней зари.

Грустно.

Прав был Аристотель: «Человек – существо общественное». Устроить организму встряску – полезно, даже забавно. Но жить добровольно одному... годами. К этому не готов. Впереди ещё две ночи. Целых две. Голодом. Без людей. Если, конечно, про меня не забыли, как про тех метеорологов...

Днём ещё сносно. Про еду удаётся не вспоминать. (Странно!) А вот засыпать на пустой желудок ой как несладко... Не пишется больше ничего. Опять поднимает голову хандра, ей поддаваться нельзя никак. Лёг, поворочался с боку на бок и рассердился на себя всерьёз: «Соберись с духом, надо жить, надо писать, надо созидать...» Опять вернулся к черновикам-листочкам.

И... потихоньку, помаленьку пошло:

У самого Белого моря
в ветхой рыбацкой избе,
закутавшись в спальник, как куколка,
я письма пишу тебе.

Любить не умею ярко.
Почти не дарю цветы...
И чаще других подарков
грусть получаешь ты.

Внутри всё клопочет, мается.
Виню себя и кляню.
Легко ли родиться заново
вот так
одному
на юру?..

Но должен из кокона выйти
не тот же удав или больше...
Последней бабочкой лета
на грудь

опущусь
брошью.

24 августа

Проснулся в 7.29

Ночка кошмарная. Одно радует: она позади. Первым делом поставил в рукописном календаре жирный крест на дате «23.08». Впереди ещё одна ночь и – домой.

Сегодняшний день решил посвятить генеральной уборке. Забрался под нары, выгреб весь мусор, тряпки, доски, непарные сапоги. Обрезал голенища – получились галоши. И не беда, что оба на левую ногу. (Зато не перепутаешь!) Топор, чайник, спальник положил на видное место, чтобы завтра, не дай Бог, не забыть в избушке. Вещи чужие, выручили меня. Нужно вернуть. Особенно топор! Керчак предупредил, ежели топор не вернём, бабушка убьёт сначала его, потом меня. (А что из списка действительно не пригодилось, так это туалетная бумага.) Пол подмёл мокрым берёзовым веником, а затем окатил морской водой, как палубу корабля: вёдер двадцать – вода смывала первородную пыль, стекала в щели. С любовью намыл избушку, ставшую родной, словно престарелого отца в баню сводил...

Сорока прилетела к окну. Прострекотала последние новости. Жаль, информацию в этом формате распознавать не умею. Между тем дело – к обеду. Вышел за подножным кормом. Ба! На взморье, в полукилометре от берега – судёнышко. В нём рыбак... (Ай-да сорока!) Вот бы здорово прям сегодня попасть на большую землю... Поорал, помахал шапкой. Мужик заметил меня, завёл мотор и... уехал.

Да-с, сбежать не получится – «линейка така!»

Раньше бы в адрес нехорошего помора разговелся бранью, а тут нет... Четверо суток в затворе без еды и... – меня абсолютно не узнать. Куда только делись нетерпимость, ненависть к ближнему, дальнему? По мере того, как родниковая вода вымывала из организма желчь, мысли становились тоньше, прозрачнее, бестелеснее, пропадало желание сутяжить, осуждать кого-то. Мне уже не было никакого дела до пороков чужих... Со своими бы разделаться. То, что там, на большой земле, казалось важным, здесь утрачивало всякий смысл. Такие метаморфозы в себе радовали. Негоже, будто дворняга

беспородная, с оголтелым лаем провожать каждую проезжую колымагу.

Есть не хочется совсем. Голову кружит, в теле слабость, а сказать, что еда стоит перед глазами, – нельзя. Ягоды и те ем больше по расчёту. На скале, в западной части, нашёл современный петроглиф: инициалы «Г. П.» и год – 1972. Появилась идея оставить потомкам весточку о себе, строго высечь в граните: «Здесь в голоде, холоде творил Александр Костюнин». В крайнем случае, надпись могла послужить эпитафией, а остров – скромным памятником.

Остановился. Совестно как-то...

Да и зубило нигде не нашёл.

Смеркалось. Лёг на нары... Встал. Опять прилёт. Не спится.

Маялся до трёх ночи, и тут, внезапно, вспомнил про «следы» от печенья. Пустую упаковку не выбросил в первый день, не стал выбрасывать почему-то и сегодня, когда прибирался. Фонариком посветил, отыскал на полке. Аккуратно, чтоб ни крошки не просыпать, согнул край желобком, высыпал в рот. Ой! Что это?.. Я не столько почувствовал – увидел: сладковатая пыль прошла гортань, пищевод, достигла желудка и мгновенно растворилась. Сразу по всему телу до кончика гусиного пера растекалась такая благодать, такое умиление... (Боюсь, вам не понять...) Прямо в одежде, прилёт поверх спальника, переваривая впечатления, эмоции, мысли... Незаметно для себя заснул. Проснулся от дребезжания: пустую канистру у входной двери ветер опрокинул, покатил по камням...

Давно стемнело. В голове чувствовалось лёгкое вальсирование, в теле – слабость, в душе – покой. В «благодатном» состоянии отправился в обход своих владений... (Каждый день этот торжественный церемониал не отменял ни при какой погоде). Отворил дверь, вышел на улицу: моря не узнать – разгулялось, рассвирепело. Поднялся на скалу... Я, как губернатор острова... (так и слышится ошаповский сарказм «острова Борнео»), наблюдаю отсюда, сверху, за миром.

Пока медитировал на вершине скалы, северный ветер раскалил, распоясался окончательно. Застегнув меховой ворот фуфайки дополнительным хлястиком, стал спускаться, обходя остров по кругу. Ветер то ослабевал на миг, будто море набирало воздух в лёгкие, то со свистом, гулом усиливался, ощутимо упираясь мне в грудь и останавливая невежливым порывом. Морские валы солёной

пучины с грохотом обрушивались на скалы, а следом по морю шли и шли на штурм острова белые буруны, большие и малые... Их тьмы и тьмы... Морская пена сбивалась в комья, спрятавшись за валунами от свирепого ветра, и дрожала от холода, страха... Ошмётки её хлопьями летали над островом, дополняя сюрреалистичную картину ужаса в формате 5D.

Луна в полный диск висела над морем, тускло подсвечивая золотым блеском штормовой шабаш.

Сила!

Дух захватывает от дикого восторга.

И тут вспомнил:

Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледяшки.

Картинка на море разворачивалась не столь идеалистичная, далеко не лубочная, но какая разница? Творчество без фантазии – мертвечина! К тому же, когда просытятся на свет детские строки, я сам радуюсь, как ребёнок!.. Значит, не окончательно огрубело сердце, способно ещё на положительные эмоции и наивный взгляд. Прямо на глазах, под пиратский свист ветра, под плеск задиристых солёных волн рождалась задорная детская песенка про моряков:

Все мы – капитаны!
Все в душе матросы.
Не страшны шторма нам,
Снежные торосы.

Чайки – наши юнги,
Альбатрос – дозорный!
Мы поднимем парус
Вышитый, узорный.

Я окончательно продрог и вернулся в избушку.

Входную дверь за собой плотно притворил, едва заглушая морской рёв. Ураган свирепствовал всюю. Треск деревьев, хрипящий шелест прошлогодней травы, скрежет кровли заворачивали меня.

Темень, хоть глаз выколи... (В непогодь с чёрными тучами темнеет быстрее.) Я сел за стол, зажёл стеариновую свечу, открыл блокнот, перекрестился на иконку Николая чудотворца и... почувствовал... как несмело... то останавливаясь, то ускоряя движение поодиночке и парочкой стали проклёвываться новые слова...

Ветер крепчает и стонет морянка,
В раме стекло дребезжит.
Волны лютуют – воля-гулянка...
Пена за камнем дрожит.

Ну! Ну....

Море всех «на разрыв» проверяет,
Как парус и такелаж.
И штурвал лишь тому доверяет
Кто входит от моря в раж!

Пока добирался в темноте до спальника, погрузился в сон.

25 августа

Под утро шторм стих. А я-то думал, раз морянка – пиши пропало, неделю лютовать будет. Встану-ка пораньше и встречу восход солнца на вершине утёса...

Высота скалы – крыша девятиэтажки.

Великий Боже, сколь здесь хорошо!

Как одушевлён чудный остров. Диву даёшься... Наше взаимное чувство привязанности – доверительное, очень искреннее – прошло испытание временем и не рассеялось. Природа... лес, море – как всё странно сливается и создаёт зеленое волнение. На флоте есть такое понятие – «дальность видимости», значение вычисляется формулой:

$$D_{\text{п}}=2,08(\sqrt{e}+\sqrt{h}).$$

В формуле «e» – высота глаз наблюдателя, «h» – высота наблюдаемого предмета. Так вот, с вершины острова я вижу куда как дальше, зорче. А кроме того, для воображения преград нет. Можно

парить наравне с чайками, даже выше – законы гравитации на творческую фантазию не действуют. Кстати, об ограничениях... В пику закону всемирного тяготения, пользуясь методами познания метафизическими, мистическими, лингвистическими, скорее имеющими отношение к вере, чем к физике, именно здесь – на острове открыл я своё новое слово.

Слово, дерзнувшее преодолеть земное притяжение.
Слово, способное на взлёт.

Остров творчества, вдохновения... остров откровения научил, открыл столь многое в моей собственной жизни, что я едва смог всё понять, принять и превратить в слово. Слово, способное раздвинуть привычные границы, преодолеть их. Остров вселил веру в свои силы, помог осознать, что не только я нуждаюсь в поддержке, но и слова мои, написанные от души, от сердца способны кого-то ободрить:

Ты до конца слагай свои руны.
Музыка греет, нежно дыша...
Пальцы черствеют, ложась на струны,
Но ранимой должна быть душа.

И продолжая игру до конца,
Как ни в чём ни бывало – пой!
Чтоб загорелся светляк в оконце
И ёкнуло сердце – «свой».

Пусть будут тебя хулить и терзать,
А всё ж подпевай скворцу.
И сам продолжай молитвой взывать...
Взывай!.. Всё взывай к Творцу!

Пусть с небес – железо и пламя...
Стой за истину в требе
И подними с Его ликом знамя –
Собой подбодри небо.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Сегодня мой день рождения.

Вспомнил отца, маму... Создателя! (нельзя быть неблагодарным...) К слову сказать, то, что я произношу из раза в раз, – не совсем молитва... на всё про всё, текст один: «Слава тебе, Господи!» Богослaвие. Донимать Творца бесчисленными просьбами, канючить, значило бы не верить в его Всемерность... Мои сокровенные желания Он и так знает. Я верю Ему. Верю больше, чем себе. С Богом хоть за море, без Бога – ни до порога! Заутренние и вечерние строки в походном блокноте и есть моя служба Ему, мои молитвы. Моё крестное распятие!..

Дома, месяц назад, раздумывал: чем бы себя одарить? Хотелось необычного... И вот свершилось! За эти пять суток я стал чуточку другим, сделался богаче. Я получил на день рождения себя иного. Да, самый желанный подарок человек делает себе сам.

Ритмические строки – на появление их не рассчитывал. Какой дар сравнится с этим? Словно щедрая морская волна вынесла и, оставив предо мной россыпь северных жемчужин, отхлынула. Надеюсь, отхлынула не навечно... Напоследок, в ожидании карбаса, обошёл по кечкаре свой остров везения. Собрал внуку несколько витиеватых перламутровых ракушек и гладко отшлифованных усердной волной кварцев – нетающих льдинок холодного Белого моря.

Стоп! «Внуку!» Первенцу...

Я по лесенке иду, поднимаюсь:
К деду с бабушкой я сам добираюсь.

Раз, два, три! Раз, два, три!
На меня ты посмотри!

Вот уже могу шагнуть и четыре,
И счастливей нет меня в целом мире.

Уже пять, уже пять –
Будут Лёву поздравлять.

Я прошёл ступенек шесть так искусно!
Не пора ли нам поесть очень вкусно?

Вот и семь, вот и семь:
Одолеем их совсем!

На восьмую поднимусь уже следом –
Скоро-скоро обнимусь с милым дедом!

Девять все покорил
И... остался я без сил.
...

Все ступеньки я прошёл, слава Богу,
В гости к дедушке пришёл на подмогу.

Вместе с ним всё поймём
И до неба мы дойдём!

Получилась «Лесенка».

Вода **за**прибыла.
Я вновь поднялся на вершину скалы.
Благодать! Сколь одухотворённо сегодняшнее утро.
На каменной террасе повернулся лицом к Солнцу, и...
Раствори-и-ился в при..ро...
Откровение Создателя... Спа-си-бо!..
Изумление... Восторг! Лёгкость невесомая... пере-полня...
Дышать... свободно.

В глазах Моря вспыхнули искорки духовной близости: «И я вас люблю...» Свицовую гладь рассекла белая гладко-маслянистая спина белухи. Белизна мелькнула ещё раз... ближе.

– Сударыня, желаю Вам здравствовать!

Вместо летящей с Северного полюса ненавистной морянки с материка поддувал душистый южный ветерок, пахло сеном, домом. Ветер ласкал меня, нашёптывал на ушко прощальные слова любви...

– Друзья, спасибо за всё! Пришло время нам расставаться. Ветер, как и время, в пригоршни не удержишь... Как моря устилают землю-матушку, облака укрывают солнышко, как травы шелковые – луг-луговик, так я нежно обнимаю вас.

На горизонте, среди мерцающих солнечных бликов, появилась перевернутая запятая.

Она близилась, превращаясь в парусное судно.

Дабы не нарушить хрупкой гармонии естества, тихохонько развернулся и стал спускаться к избушке. Шажок, второй, третий... Ещё один... Прозрачная, непроницаемая граница, отделяющая мистически-райский храм природы от мира сего, беззвучно замкнулась. Телу вернулась первородная брэнность, тяжесть. Теперь из всех желаний самым-самым-самым было одно: при встрече с

людьми не зайтись безумным, счастливым смехом в перехлест со слезами отрады... Перепугаю всех нахрен!

Теперь – домой, по свежим следам, не растеряв ни крупички впечатлений, парадоксальных догадок, находок изложить всё письменно, переведя незримое в формат кириллицы. Стал обуваться, потянул к себе болотник – тяжёлый... Руку внутрь – пакля, сухая трава... По острову-то я все эти дни передвигался в галошах, а сапоги не трогал... Так вот почему у мышей каждую ночь беготня – гнездо в моём сапоге устроили.

По дороге к дому я восстанавливал в памяти отдельные эпизоды рассказа Они про метеорологов... Человек, жёстко зажатый обстоятельствами, не только перешёл с казённого, формального языка на живой, народный. Его прорвало на стихи!

Нетерпеливо толкаю москвича в коленку:

– А на Диксоне тогда чем всё закончилось??

– Когда в журнале исчезли записи второго метеоролога, я подумал: «Всё! Убил Ваню!» Эта мысль пронеслась первой. Аж холодом обдала... Но после прикинул: «Нет». Ровный почерк, буква к буквке. Сомнений быть не могло: автор – человек уравновешенный, даже немного «флегма». Случись самое ужасное, он так бы в дежурном журнале и написал: «Ваню убил». Затем подробно изложил бы обстоятельства криминального происшествия, последние слова убитого и указал бы точное время. Ничего подобного не было.

Заканчивались записи журнала истерическим воплем. На весь разворот гремела, до звона в ушах! – ором орала надпись:

«В е р т о л ё т !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

– Флегматик, выводя кириллицу, втыкал шариковую ручку на глубину десяти листов и – не писал – вырезал! злосчастные буквы. Ох, дурак я, не взял тогда журнала! – Она смолк и взглядом устремился вдаль.

Уверенный гул мощного подвесного мотора понемногу завладел моим слухом, сознанием. Белое море прохладной морской водой окропило лицо, помогая прийти в себя...

Свою робинзонаду я прошёл достойно. И одно теперь знаю твёрдо: человеку под силу самому создать обстоятельства, когда слабые пёрышки обретают крепь. Тогда и возникает небывалая подъёмная сила. И она... возносит к звёздам! Я попрощался с островом, будто навсегда... было грустно. Всё когда-то случается в последний раз. Однако, «Если только жив я буду, / Чудный остров навещу».

25 августа 2012 года

Примечания:

[1] Анкл (uncle англ.) – дядя;

[2] Материк, матерая земля.

[3] Линейка (помор.) – доля в жизни, участь;

[4] Доспеть (помор.) – о человеке: окрепнуть, достигнуть совершеннолетнего возраста, возмужать;

[5] Лето в Беломорье определяется по старому стилю периодом времени от Иванова дня (24 июня) и по Ильин день (20 июля). Поморы говорят: первый летний праздник Иван день и последний Ильин день до обеда;

[6] Хэллоуин (англ. Halloween, All Hallows Eve или All Saints Eve) – национальный праздник «нечистой силы» в США;

[7] «Высечь море». В начале похода на Грецию (480 до н.э.) буря снесла построенные персами мосты через Геллеспонт (Дарданеллы). «Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков» (Геродот, VII, 35). >Геродот, с. 325.

[8] Гомер «Одиссея» (песнь V, ст. 330) Евр – (Эвр) бог восточного ветра, брат ветров Борей (северный ветер), Зефира (западный) и Нота (южный);

[9] Олонецкая поговорка;

[10] Агевзия (а + греч. geusis – вкус). Нарушение восприятия вкусовых ощущений. Может наблюдаться при органических заболеваниях нервной системы с поражением вкусового анализатора, особенно центрального его отдела, либо при истерии. В некоторых случаях сопровождается бредовые переживания, главным образом бред отравления. При депрессиях входит в структуру синдрома отчуждения витальных чувств.

*

Александр Викторович Костюнин,
член союза писателей РФ
Почта личная: A-Kostjunin@yandex.ru;
Авторский сайт: <http://kostjunin.ru>;

